
Арион Блэк
Между сталью и магией
Книга I
Путь до первого снега

Арион Блэк

Между сталью и магией. Книга I путь до первого снега

https://litres.ru/74723532
SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где магический дар определяет положение человека, Элария Вейнор всегда была чужой среди своих.

Рождённая без магии в знатной семье, она привыкла жить по правилам, которые устанавливали за неё другие. Но когда её будущее окончательно решают без её согласия, Элария выбирает единственный оставшийся путь — бежать.

За стенами родного поместья её ждёт совсем другой мир. Мир, где доверчивость может стоить жизни, доброта не всегда означает безопасность, а свобода требует не только смелости, но и умения за неё бороться.

Старинная обсерватория оставляет ей необычное наследство — Нариссу, клинок, способный разрывать магические связи. Но древняя сила не сделает неопытную девушку воином.

Встреча с Сайреном Дором, суровым странником с собственным прошлым, становится началом долгого пути. Ей предстоит научиться владеть оружием, отличать опасность от случайности и понять, кем она хочет стать.

Ведь иногда самое трудное — не найти свою дорогу, а решиться пройти по ней.

Содержание

Пролог: Шов 5
Глава 1: Средняя 18
Глава 2: Те, кто не сияют 31
Глава 3: Кружева и кинжалы 45
Глава 4: Бал 55
Глава 5: Эхо 82
Глава 6: Уроки несияющих 97
Глава 7: Слухи и линии 104
Глава 8: Правильная дочь 118
Глава 9: Тайные пять минут 132
Глава 10: Трещины 150
Глава 11: Ночные ворота 159
Глава 12: Голубое 168
Конец ознакомительного фрагмента. 177

Между сталью и магией. Книга I путь до первого снега

Пролог: Шов

Долина Молчания оправдывала своё имя не тишиной — тишина бывает у леса после снегопада, у озера на рассвете, у пустой улицы после праздника. Здесь тишина была иной природы: она не отсутствовала — она подавляла.

Здесь не звенели руны.

Здесь не шептал Свет.

Здесь не отзывалась Тьма.

Словно сама ткань мира держала палец на губах любого дара и говорила: «Хватит».

Ночью в Долину пришли трое.

Сначала — мужчина в дорожном плаще с простым гербом на пряжке: тонкий круг, пересечённый линией, похожей на лезвие. Дом Вейнор. Его шаги были ровные, военные, но плечи выдавали усталость — ту, что приходит не от дороги, а от постоянного ожидания удара.

Второй шёл легче — худой, сухой, с походкой человека, который привык считать расстояние не шагами, а формула-

ми. На рукавах его куртки были пришиты металлические вставки с гравировкой, и даже в темноте они казались слишком правильными. Зиф. Рунный инженер. Не маг в привычном смысле — мастер устройства.

Третья появилась так, будто её не было, пока ты не моргнул.

Девушка. Не девочка — слишком прямой взгляд, слишком спокойно держит спину. Тёплые русые волосы спрятаны под капюшоном, но не полностью: пара золотистых прядей выбилась, будто отказываясь быть частью чужого порядка. Глаза янтарные — не "красивые", а внимательные, как у человека, который всю жизнь учился смотреть на мир так, чтобы его не обманули.

Её звали Нарисса Вейнор.

И у неё не было дара.

Ни искр, ни шёпота воды, ни линий рун под кожей. Ничего, что в Эладасе называли "подарком небес" и что на деле слишком часто становилось цепью.

— Дальше нельзя, — тихо сказал мужчина с гербом Вейноров, когда они спустились в ложбину, где камни были гладкие, будто их много лет полировали невидимые ладони. — Здесь… всё глохнет.

— Это и нужно, — ответила Нарисса. Она говорила спокойно, но на последнем слове в голосе дрогнула неуверенность — не слабость, а цена выбранного пути. — Здесь они нас не слышат.

Рунный инженер из Зифа — его звали Рем Кальд — усмехнулся уголком губ.

— “Они”, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — В Эладасе говорят “божественное”. В Зифе говорят “системное влияние”. Ваши слова, леди Вейнор, звучат ближе к моим.

— Это не бог и не система, — сказал мужчина, и в его голосе впервые появилась злость. — Это… рука, которая держит нашу жизнь. Тянет, толкает, ставит нас на колени и называет это судьбой.

Нарисса посмотрела на него, и янтарь её глаз потемнел.

— Я знаю, отец.

Он вздрогнул. Он не любил, когда она называла его так здесь, в Долине. В слове “отец” было слишком много того, что можно потерять.

— Не сейчас, — попросил он и отвёл взгляд, будто отступая на шаг назад не в пространстве, а в чувствах.

Рем Кальд поднял руку, и металлические вставки на его рукаве слегка звякнули.

— Пожалуйста, объясните ещё раз. Полностью. Если я не понимаю задачу, я не построю устройство.

Нарисса кивнула. Она вытащила из-под плаща свёрток ткани — плотной, маслянистой, будто она впитала в себя ночь. Развернула аккуратно, как разворачивают не сокровище — а опасность.

На ткани лежал осколок.

Не камень. Не металл.

С виду — кусок чёрного стекла, но воздух вокруг него дрожал, словно сам мир пытался вспомнить, как должен выглядеть рядом с этим предметом. На гранях переливались тонкие линии — не руны, не рисунки, а швы. Места, где реальность когда-то была порвана и затем кое-как сшита.

— Мы нашли это в Атрии, — сказала Нарисса. — Там, где земля покрыта магической эмалью. Там, где первые войны стали плотью мира.

Рем Кальд склонился ближе, но не коснулся.

— Это… след события, — пробормотал он. — Кристаллизованная ошибка.

— Кристаллизованное исправление, — возразил отец. — Сшитая рана.

Нарисса посмотрела на осколок так, будто он был зеркалом.

— Я думаю, что это… дверь. Или ножницы, если угодно. Но не для плоти. Для связей.

Она подняла голову и произнесла слова, которые они не произносили вслух почти год — с тех пор, как поняли, что их наблюдают.

— Магия — это канал. Эмоция — это ключ. Принцип — это узел. Мы все… привязаны. И чем сильнее дар, тем крепче привязка.

Рем Кальд молчал. Он слушал как инженер слушает описание болезни: без паники, но с вниманием.

Отец Нариссы сжал кулак.

— Они называют это “даром”, — сказал он. — Но это поводок.

— Поводок, — мягко повторила Нарисса. — И если поводок можно увидеть… значит, его можно разрезать.

Рем Кальд наконец выдохнул.

— Вы хотите создать инструмент размыкания канала.

— Не канала, — поправила Нарисса. — Не сразу. Я не хочу калечить людей. Я хочу начать с меньшего: с заклинаний. С плетений. С узлов в воздухе, которые маги считают своим правом.

Она замолчала на мгновение и добавила тише:

— А если это возможно… значит, возможно и большее.

Отец резко посмотрел на неё.

— Нет.

— Да, — спокойно ответила она. — Потому что иначе они продолжат.

Он шагнул ближе, и тишина Долины словно стала плотнее.

— Нарисса… Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Понимаю, — её голос не дрожал. — Я говорю: если они могут выращивать людей под задачу, если они могут вести судьбу, как ведут коня, значит, мы должны иметь право сказать “нет”.

Рем Кальд поднял бровь.

— В Зифе это называют “свободной переменной”.

Нарисса улыбнулась — коротко, без радости.

— Тогда я хочу стать переменной.

Отец её посмотрел вниз, на осколок, и в его глазах мелькнула усталость старше его возраста.

— Цена? — спросил он. — Любое вмешательство в структуру имеет цену. Закон сохранения эмоций… он не сказка.

Нарисса молча развернула ладонь.

На коже, чуть ниже большого пальца, виднелся тонкий белый след — как шрам, но без истории раны.

— Я уже заплатила, — сказала она.

— Что? — Рем Кальд наклонился, прищурился. — Это не ожог и не порез. Это… пустота.

Отец резко вдохнул.

— Ты…

— Не плачу, — закончила Нарисса вместо него. — Уже месяц. Я помню, что должна, когда вижу, как плачет ребёнок. Я знаю, что это важно. Я могу утешить. Но внутри — тишина.

Она улыбнулась снова, на этот раз чуть шире — как человек, который смеётся над собственной раной, чтобы не дать ей победить.

— Хорошо. Значит, я подхожу.

Отец хотел что-то сказать, но слова не вышли. Он только сделал шаг назад, будто уступая. Не потому что согласился — потому что понял: решение уже принято.

Рем Кальд выпрямился.

— Тогда нам нужна кузня, где магия не вмешается, — сказал он. — Здесь. И нужны инструменты, которые выдержат контакт с этим… — он кивнул на осколок, — …швом.

Отец Нариссы снял с плеча мешок. В нём звякнули металлические предметы.

— Всё готово, — сказал он глухо.

Они работали молча.

Не потому что нечего сказать — потому что любые слова здесь казались слишком громкими.

Кузня была не зданием. Просто каменное углубление в скале, защищённое от ветра, где уже стоял маленький горн и наковальня. Всё — простое, без украшений, как будто кто-то намеренно вырезал из этого места любые признаки гордости.

Рем Кальд разложил инструменты: молоты разного веса, щипцы, резцы, тонкие пластины из зифского сплава. Он двигался быстро и точно, как человек, который знает, что любая ошибка в геометрии — это не "неаккуратно", а "мертво".

Отец Нариссы разжёг огонь. Не магией — кремнём, сухими ветками, терпением. Пламя поднялось неохотно, как будто даже огонь здесь не хотел быть огнём.

Нарисса держала осколок.

Когда она поднесла его ближе к пламени, воздух вокруг дрогнул, и на мгновение огонь стал белым — не ярким, а… чистым, как линия на чертеже.

— Он не должен нагреться слишком сильно, — быстро сказал Рем. — Если шов "потечёт", мы потеряем структуру.

— Он не течёт, — ответила Нарисса. — Он помнит.

Отец посмотрел на неё, и в этом взгляде было столько любви, что Долина на миг перестала быть Молчанием.

— Нарисса… — начал он.

Она не подняла глаз.

— Не останавливай меня, — сказала она спокойно. — Ты уже дал мне всё, что мог. Остальное я должна сделать сама.

Рем Кальд фыркнул.

— Вот за это я люблю работать с людьми без дара. Они не спорят с физикой. Они спорят с судьбой.

Отец криво усмехнулся.

— А судьба у нас с характером.

— Её тоже можно переписать, — ответила Нарисса.

Они начали.

Осколок шва зажимали щипцами и клали на наковальню. Рем задавал угол, отец бил молотом. Удары были глухие, тяжёлые. И каждый удар отзывался в голове Нариссы странным ощущением — будто где-то, далеко, по невидимой нити проходила вибрация.

Она не знала, слышит ли их кто-то.

Но знала: здесь их не слышат.

И потому продолжала.

В какой-то момент Рем поднял руку.

— Стоп.

Отец замер с молотом над наковальней.

Рем аккуратно провёл резцом по поверхности заготовки.

— Структура держится, — сказал он тихо. — Это возможно.

Нарисса закрыла глаза.

На мгновение ей показалось, что где-то, очень далеко, на границе слышимости, кто-то сделал вдох.

Она открыла глаза.

— Продолжай, — сказала она.

Клинок рождался не как мечи рыцарей — с песнями, знаменами и благословениями.

Он рождался как инструмент.

Тонкий, изящный, не тяжёлый. Лезвие было матовым, почти не отражало свет, как будто отказывалось участвовать в иллюзии красоты. На нём появлялись линии — те самые "руны", которые позже никто не сможет прочитать.

Потому что это были не слова.

Это были пути разрыва.

Когда работа подходила к концу, Рем Кальд вытер ладони о ткань и посмотрел на Нариссу.

— Теперь нужно "замкнуть схему", — сказал он. — И это уже не мой участок. Это ваш.

Отец напрягся.

— Что значит "ваш"?

Рем отвёл взгляд.

— Руны-схемы можно начертать инструментом. Но пустоту… пустоту нельзя сделать железом. Её делает человек.

Нарисса кивнула. Она ожидала этого.

Она сняла перчатку и провела пальцами по рукояти. Металл был тёплым, будто в нём уже жило что-то не от огня.

— Цена? — тихо спросил отец.

Нарисса улыбнулась уголком губ.

— Ты же знаешь.

Она подняла клинок и поднесла к своей ладони.

Отец сделал шаг вперёд, но остановился. Его руки дрожали.

— Нарисса…

— Я уже выбрала, — сказала она. — Это не смерть. Это… точка.

Она легонько коснулась остриём кожи — не чтобы порезать, а чтобы отметить. И в тот же миг по клинку пробежала тонкая линия света — не белая и не чёрная, а ровная, как черта на чертеже.

Нарисса вздрогнула.

Не от боли.

От ощущения, будто что-то внутри неё отрезали и оставили по ту сторону.

Она закрыла глаза и на мгновение потеряла равновесие.

Отец подхватил её за плечи.

— Что ты отдала? — прошептал он.

Нарисса открыла глаза, и янтарь в них стал чуть тусклее.

— Я… не уверена, — сказала она честно. — Я помню тебя. Помню дом. Помню, зачем это делаю. Но… будто… кто-то снял с меня один слой.

Рем Кальд смотрел на клинок, как на чудо.

— Схема замкнулась, — сказал он тихо. — Он будет резать не плоть.

Отец сжал Нариссу крепче.

— Он будет резать судьбы, — произнёс он, и в голосе его прозвучал страх.

Нарисса мягко высвободилась.

— Он будет резать цепи, — сказала она. — Судьба пусть останется тем, чем она всегда была: ложью, которую любят называть красивым словом.

Они вышли из Долины Молчания на несколько шагов — туда, где магия снова дышала.

Отец поднял руку, и над ладонью вспыхнул щит Света — тонкий купол, сияющий мягко и чисто. Он держался уверенно, как крепкая мысль.

— Готова? — спросил он.

Нарисса взяла клинок обеими руками. Он лёг в ладони легко, будто был продолжением её жеста.

Она не думала о победе.

Она думала о размыкании.

И провела лезвием по куполу.

Не было вспышки.

Не было взрыва.

Купол замолчал.

Свет не рассыпался осколками, не закричал, не ударил в ответ. Он просто… перестал быть.

Отец опустил руку и долго смотрел на пустоту там, где секунду назад был щит.

— Это… — выдохнул он.

Рем Кальд улыбнулся впервые по-настоящему.

— Это работает.

Нарисса смотрела на клинок, и в груди её было странное чувство — не радость и не страх. Тёплая пустота, как место, куда можно положить выбор.

— Как его назвать? — спросил Рем.

Отец хотел сказать что-то, но Нарисса опередила.

— Он уже назван, — сказала она и коснулась рукояти. — Моим именем.

Отец нахмурился.

— Почему?

Нарисса подняла взгляд.

— Чтобы тот, кто найдёт его, не искал легенду, — сказала она. — Пусть ищет человека.

Она выдохнула и добавила почти шёпотом:

— И пусть это будет человек без дара.

Позже — через месяцы, которые были наполнены страхом и подготовкой, — они спрятали клинок в обсерватории Вейноров и запечатали механизм так, чтобы маг не смог открыть его, как бы ни пытался. Не силой. Не хитростью.

Только отсутствием канала.

Только тишиной.

В последнюю ночь перед тем, как закрыть камень навсе-

гда, отец спросил Нариссу:

— Ты уверена?

Она стояла перед кругом камня и смотрела на лезвие, которое уже не блестело — оно будто отказывалось быть украшением мира.

— Нет, — сказала она честно. — Но я уверена в одном: если мы не оставим миру способ сказать “нет”… они будут продолжать писать нас.

Отец молча положил ладонь ей на плечо.

Рем Кальд, уходя, обернулся и произнёс:

— В Зифе мы говорим: любая система рушится, если в ней появляется переменная, которую нельзя вычислить.

Нарисса посмотрела на камень, закрывающий клинок.

— Тогда пусть она появится, — сказала она. — Когда придёт время.

И где-то далеко, на границе слышимости, мир сделал вдох.

Но никто из них не услышал.

Потому что Долина Молчания ещё держала палец на губах реальности —

и хранила их выбор.

Глава 1: Средняя

Утро в поместье Вейноров начиналось не с солнца.

Сначала приходил порядок.

Ещё до того как первые лучи просачивались сквозь влажный туман, слуги открывали ставни ровно на одинаковую ширину, зажигали в коридорах светильники так, чтобы огонь в них горел одинаково спокойно, и расправляли ковры на лестницах так, чтобы ни одна складка не смела “случайно” появиться под ногой хозяев.

У Вейноров не было случайностей. Вейноры жили так, словно их дом — продолжение их фамилии: прямая линия, выверенная до миллиметра.

Элария проснулась от звука, который ненавидела больше всех.

Тонкий, серебристый звон на внутреннем дворе — будто кто-то незримо провёл ногтем по хрустальному бокалу.

Печать.

Не руны, а защитное плетение, поднятое над тренировочной площадкой. Оно отзывалось тонким звоном, когда Аделард направлял магию на купол или пытался продавить его.

Звон означал, что старший уже на ногах. И как всегда — первый.

Элария лежала неподвижно, глядя в потолок, где над её кроватью висела резная деревянная панель с гербом дома.

Круг-узел, пересечённый тонкой линией. Красиво. Холодно. Как будто кто-то когда-то сказал: “Всё в мире связано. И всё можно рассечь”.

Она подняла руку и посмотрела на ладонь.

Линии кожи, тонкие, человеческие. Ничего не светилось, ничего не дрожало, никакая искра не пыталась выбраться наружу.

Иногда, совсем редко, ей казалось, что если она сосредоточится сильнее, если она прикажет себе — вот сейчас, именно сейчас — в пальцах появится хотя бы тепло.

Но пальцы оставались пальцами.

Она села, откинув одеяло. Пол был холодный. Камень в старых домах всегда холодный — даже летом.

Элария плеснула воду на лицо и задержала ладони на коже дольше обычного. Вода была ледяной, и это удивительным образом успокаивало. Простые вещи никогда не пытались заставить её быть другой.

За окном снова звякнуло. Затем — короткий хлопок, как будто лопнула струна.

— Прекрасно, милорд, — донёсся из двора голос наставника. — Ещё раз. Но без лишнего давления. Плавнее.

“Милорд.”

И всегда — “милорд”. Никогда — “мисс”. Не в этом дворе.

Элария натянула простое платье для дома — не парадное, но и не грубое. Леди без дара могла позволить себе только две крайности: либо казаться достаточно благородной, что-

бы её не сочли служанкой, либо достаточно скромной, чтобы её не сочли позором. Элария умела балансировать. Она научилась этому раньше, чем научилась смеяться громко.

Она заплела волосы быстро: русые пряди, тёплые, с медовым отливом, упрямо выбивались из косы, словно даже они не соглашались быть идеальными. Янтарные глаза в зеркале смотрели на неё внимательно и чуть насмешливо — взгляд человека, который слишком рано понял правила игры.

— Ну что, — тихо сказала Элария своему отражению. — Сегодня мы будем образцовой, да?

Отражение не ответило.

Она вышла в коридор и почти сразу столкнулась с горничной, несущей стопку полотенец.

— Леди Элария, — горничная поспешно присела, но не слишком низко: она была опытной, знала меру. — Доброе утро.

— Доброе, Рина, — Элария улыбнулась. — Ты опять спасла дом от моего существования, расправив ковры?

Рина смутилась, но тоже улыбнулась — на секунду, пока не вспомнила, где находится.

— Леди… завтрак через четверть часа. Леди Селеста просила вас… — горничная замялась, — …прийти вовремя.

“Просила” у леди Селесты означало “приказала”.

— Конечно, — легко сказала Элария. — Как можно опоздать на встречу с судьбой?

Рина не поняла шутки. Или сделала вид, что не поняла. В

этом доме многие делали вид.

Элария спустилась по лестнице и задержалась у окна, выходившего во двор.

Там, на ровной площадке, её старший брат — Аделард Вейнор — стоял с поднятой рукой. Свет вокруг его пальцев был мягким и устойчивым, как дыхание. Он не "вызывал" магию — он просто… жил ею. Свет слушался, словно был частью его крови.

Над площадкой висел купол — световая печать, подпитанная кристаллами. Она мерцала тонкой линией по краю, едва заметной днём, но отчётливо слышимой: тот самый серебристый звон.

Наставник — магистр Орлен — ходил вокруг, как садовник вокруг слишком дорогого дерева.

— Чисто, — сказал Орлен. — Выдержка. Ваше плетение стабильно.

Аделард улыбнулся — не гордо, а уверенно. Это была улыбка человека, который с рождения знал: мир принимает его.

Элария смотрела на брата секунду дольше, чем следовало, и почувствовала знакомую смесь: восхищение и что-то вроде тихой зависти. Не злой. Просто человеческой.

А потом услышала голос матери, как удар колокола.

— Элария.

Элария обернулась.

Леди Селеста Вейнор стояла в арке коридора, ведущего в

столовую. Высокая, безупречно прямая, в утреннем платье такого качества, что оно выглядело как официальное заявление. Волосы убраны идеально. На пальцах — тонкие кольца с едва заметными световыми камнями: не для силы, а для статуса.

У Селесты был дар. Небольшой, но чистый. Такой, который не рушит стены, но идеально подходит для того, чтобы подсвечивать истину в разговоре и заставлять людей говорить мягче, чем они хотели бы.

Элария собрала улыбку.

— Доброе утро, мама.

Селеста не ответила улыбкой. Она кивнула, как королева кланяется гербу.

— Ты слышала? — спросила она. — Сегодня приедут портные. И ювелир.

Элария моргнула.

— Зачем ювелир? Мы… опять будем сиять сильнее соседей?

Взгляд матери стал тоньше.

— Мы будем выглядеть достойно, — поправила Селеста. — Через три дня бал.

Бал.

Элария почувствовала, как внутри что-то сжалось, словно заранее. Бал у королевы. День рождения наследника. Там будут все. И там будут улыбки, которые режут.

— Я помню, — сказала она спокойно. — День рождения

принца.

— Сына королевы, — уточнила мать.

Элария чуть приподняла бровь.

— Это обычно один и тот же человек.

Селеста не отреагировала на шутку.

— На балу ты должна быть… — она замялась на долю секунды, подбирая слово, — …аккуратной.

Элария поняла. Она всегда понимала такие паузы.

“Аккуратной” означало: не разговаривать лишнего, не смеяться громко, не пытаться быть заметной. Не дать людям повод вспомнить, что у дома Вейнор есть дочь без дара.

— Я умею быть аккуратной, — сказала Элария и добавила мягче, чем обычно: — Я хочу, чтобы всё прошло хорошо.

Селеста посмотрела на неё внимательнее.

В её взгляде не было ненависти. Там была тревога. Вечная тревога человека, который верит: репутация — тонкий лёд, и под ним холодная вода.

— Ты хочешь, чтобы всё было идеально, — тихо сказала она. — Я знаю.

“Как я,” — не сказала, но Элария услышала.

— И я хочу, — продолжила Селеста. — Поэтому ты не должна выделяться.

Слова были спокойные. Но внутри них — приговор.

Элария проглотила ответ. На секунду. И только потом сказала:

— Хорошо.

Мать кивнула, будто заключила сделку.

— Завтрак. И не опаздывай. Твой отец уже там.

Это была одна из немногих фраз, в которых Селеста звучала почти… мягко. “Твой отец.” Не “лорд Вейнор.” Не “Роан.” А именно “твой”, как будто она тоже признаёт: для Элария отец — не титул, а спасательный круг.

Столовая у Вейноров была огромной и слишком светлой. Высокие окна, мраморные колонны, длинный стол, за которым можно было проводить заседания совета, а не есть кашу. На стенах — портреты предков с такими лицами, будто им всем одновременно сообщили плохие новости, и они решили сделать из этого стиль.

Отец сидел уже на своём месте — не во главе (это место в доме принадлежало матери по негласному закону “порядка”), а чуть сбоку, чтобы было удобно разговаривать с детьми.

Лорд Роан Вейнор улыбнулся Эларии так, будто в комнате стало теплее.

— Доброе утро, маленькая буря, — сказал он.

Элария ожила.

— Я не буря, — возмутилась она, садясь рядом. — Я лёгкий весенний ветерок.

— Весенний ветерок не спорит с матерью, — заметил отец с притворной строгостью.

Элария скосила взгляд на Селесту. Та уже сидела, и её осанка была настолько выверенной, что казалась архитекту-

рой.

— Он просто не пробовал, — шепнула Элария.

Отец фыркнул, скрывая смех кашлем.

На другом конце стола сидел Аделард, уже переодетый после тренировки, чистый, спокойный. Рядом — младшая сестра Эларии, Мариэль, лет двенадцати, с тонкими пальцами, на которых иногда вспыхивали мелкие искры света, когда она волновалась или радовалась. Мариэль постоянно волновалась и радовалась — и поэтому свет возле неё вспыхивал часто.

— Эли! — Мариэль махнула рукой. Искры вспыхнули и тут же погасли.

— Доброе, солнечное несчастье, — сказала Элария сестре и подмигнула.

Мариэль засмеялась.

Селеста бросила короткий взгляд на младшую — и на секунду в этом взгляде мелькнуло что-то похожее на нежность. Мариэль была “правильной”: дар есть, пусть небольшой, но есть. И уже этого хватало, чтобы мать дышала чуть свободнее.

Слуги принесли завтрак. Всё было идеальным: одинаковые порции, одинаковая температура, одинаковые чашки.

Отец взял ложку каши и сказал, глядя на Эларию:

— Сегодня тебе не нужно на занятия по световому плетению. Я попросил магистра Орлена заменить это уроком истории карт.

Селеста подняла бровь.

— Истории карт?

— Да, — спокойно сказал Роан. — Элария интересуется географией. Пусть учится тому, что ей полезно.

— Ей полезно учиться тому, что полезно дому, — сухо сказала Селеста.

Отец не спорил резко. Он редко спорил резко. Он был добрым. И в этом была его сила и его слабость.

— Ей полезно учиться, — мягко повторил он. — Любому знанию найдётся применение.

Селеста посмотрела на Элярию так, словно спрашивала: “Ты опять его уговорила?”

Элария невинно подняла ладони.

— Я просто существую, мама. Иногда это производит эффект.

Аделард тихо хмыкнул. Он редко вмешивался, но не был жестоким. Он был слишком занят собственным светом, чтобы по-настоящему ненавидеть тень.

— Элария, — сказала Селеста, и голос её стал чуть ниже. — На балу ты будешь стоять рядом с нами. Улыбаться. И молчать, когда не спрашивают.

Элария сжала ложку. Пальцы побелели, но она выдохнула и разжала.

— Я умею улыбаться, — сказала она.

— И молчать? — спросила Селеста.

— Иногда, — честно ответила Элария.

Отец коснулся её локтя под столом — лёгкое прикосновение, как напоминание: “я рядом”.

Мариэль наклонилась к Эларии и прошептала:

— А правда, что королева Лира сама видела Рейна?

Элария едва не поперхнулась.

— Кто тебе это сказал?

— Няня, — прошептала Мариэль с важностью. — Она сказала, что Рейн был настоящий, но теперь это как легенда.

Селеста услышала слово “Рейн” и мгновенно напряглась.

— Не обсуждайте это за столом, — сказала она.

Отец медленно положил ложку.

— Почему? — спросил он спокойно. — Потому что детям нельзя говорить о героях?

— Потому что это опасный символ, — резко сказала Селеста. — Люди превращают такие вещи в культ.

— Люди превращают всё в культ, — мягко возразил отец. — Даже идеальность.

Селеста посмотрела на него. На мгновение в воздухе возникло напряжение, которое не было магией, но могло резать сильнее любого заклинания.

Элария поспешила вмешаться, улыбаясь так, будто спасает дом от собственного взрыва.

— Я бы всё равно хотела увидеть королеву, — сказала она. — Не Рейна. Королеву. Мне кажется… она сильная.

Это было правдой. И Селеста, как ни странно, чуть смягчилась.

— Королева Лира сильная, — сказала она. — Именно поэтому на балу ты не должна быть… поводом для разговоров.

Элария кивнула.

Внутри у неё снова поднялось привычное чувство: она хочет, чтобы семья была идеальной. Чтобы мама улыбнулась ей так же, как улыбается Мариэль. Чтобы отец не делал вид, что всё нормально, когда это не нормально. Чтобы Аделард перестал быть мостом между "правильными" и "неправильными".

Чтобы они были семьёй, а не витриной.

Но витрина всегда была красивее.

После завтрака Элария ушла в библиотеку. Это было единственное место в доме, где воздух пах не статусом, а бумагой. Стеллажи тянулись до потолка, и среди них можно было чувствовать себя не "средней дочерью", а просто человеком.

Она взяла атлас Аэтерны — тяжёлый, с кожаным переплётом, с картой Океана Эхо, где линии течений были нарисованы тонкими голубыми нитями.

Её всегда тянуло туда, где на карте было больше пустоты.

Внизу страницы, мелким почерком, кто-то из старых картографов написал: "Дальше — не наши воды."

Элария провела пальцем по этому месту и улыбнулась.

— Конечно наши, — прошептала она. — Просто мы ещё туда не ходили.

— Леди Элария?

Она вздрогнула. В дверях стоял магистр Орлен. В его взгляде было уважение к дому и лёгкое недоверие к “неправильной” дочери.

— Лорд Роан просил меня провести с вами урок, — сказал Орлен.

— Истории карт? — оживилась Элария.

Орлен моргнул, будто не ожидал искренней радости.

— Да, — сухо сказал он. — И правил поведения на балу.

Элария вздохнула.

— Карты и клетка.

Орлен нахмурился.

— Прошу?

— Ничего, магистр, — быстро сказала Элария. — Покажите мне, где на карте заканчивается терпение моей матери.

Орлен не улыбнулся. Но его губы дёрнулись, будто он хотел — и не позволил себе.

— Начнём, — сказал он и подошёл к столу. — Вы знаете, где находится Зиф?

— Там, где люди считают эмоции шумом, — сказала Элария.

Орлен поднял бровь.

— Вы читали?

— Я слушала, — ответила Элария. — И делала выводы.

Орлен кивнул, слегка удивлённый.

— Тогда вы поймёте, почему на балу важны не только слова, но и… кто имеет право их говорить.

Элария посмотрела на карту.

И вдруг поняла, что “право говорить” — это тоже территория. И у неё её почти нет.

Пока.

Она закрыла атлас и посмотрела на магистра Орлена.

— Начинайте, — сказала Элария. — Я хочу знать, как не утонуть в этом… обществе.

Орлен помолчал секунду, потом сказал:

— Первое правило: не показывайте, что вам больно.

Элария улыбнулась.

— Тогда у меня уже отличная подготовка.

И где-то во дворе снова тонко звякнула световая печать купола — как напоминание о том, что в этом доме всё сияет, кроме неё.

Пока что.

Глава 2: Те, кто не сияют

В поместье Вейноров все знали своё место.

Слуги знали его так же хорошо, как хозяева, и, возможно, даже лучше: хозяева могли позволить себе забыть, а слуги — нет. Ошибка в порядке у слуг превращалась в наказание. Ошибка в порядке у хозяев — в “особенность характера”.

Элария, как ни странно, существовала где-то между.

С одной стороны — леди. Платье, воспитание, фамилия, стол, к которому её сажали потому, что герб обязывал. С другой — она была той, кто не светится. А в этом доме невидимость не считалась достоинством.

День после разговора о бале стал для неё похожим на маленькую тренировку выживания.

Не ту, что в лесу, где нужно разжечь огонь и найти воду.

А ту, что в коридорах, где нужно разжечь улыбку и найти, где спрятать себя.

После урока карт Орлен ушёл, оставив её с ощущением, что мир — это не только пространство, но и право. Элария сидела за столом, перебирала страницы атласа и делала вид, что изучает течения Океана Эхо.

На самом деле она слушала.

Поместье, когда в нём нет гостей, разговаривает тихо. Шёпоты перетекают из комнаты в комнату, как запахи кухни. Люди думают, что их не слышат — потому что они не слы-

шат сами себя.

— …лорд Роан добрый, как всегда, — донеслось из коридора. Это была одна из старших служанок, Мара, та самая, которая умела говорить "уважительно" так, что это звучало как "я знаю больше, чем вы". — Но леди Селеста… она не простит.

— Что именно? — спросила другая, тихая.

— Да всё, — Мара вздохнула. — Сколько можно делать вид, что… — она не сказала "бездарная", но слово повисло в воздухе. — …что всё нормально.

Элария перевернула страницу громче, чем нужно.

Голоса в коридоре на секунду стихли. Потом кто-то кашлянул, и разговор сменил направление, как ручей, увидевший камень.

Элария не разозлилась. Она давно привыкла. Служанки не были её врагами. Они просто жили в мире, где правда — товар, и он продаётся дешевле всего на кухне.

Она закрыла атлас и встала.

Если в этом доме и было место, где люди говорили честнее — то это кухня.

Потому что там у всех руки были заняты делом, а значит, лицу не нужно было изображать маску так тщательно.

К кухне вели две лестницы.

Одна — парадная, где ходили слуги с подносами, ровные, как строчки в книге.

Другая — узкая, старая, с каменными ступенями, которые

помнили времена, когда Вейноры ещё не были “идеальными” и позволяли себе жить громче.

Элария выбрала вторую.

Она умела ходить там, где её “не должно быть”. Умение, которое приобретается, когда тебя часто пытаются убрать с глаз — ты начинаешь искать собственные маршруты.

На кухне пахло хлебом и горячим молоком. Это был запах, который не требовал дара, чтобы быть приятным.

— Леди Элария?! — всплеснула руками кухарка Брина, кругленькая, краснощёкая женщина, чьё лицо всегда было в муке, будто она пыталась стать белее, чем была. — Господи, дитя, ну что вы тут… если леди Селеста узнает…

— Она узнает, что я дышу? — Элария улыбнулась и шагнула ближе. — Брина, я пришла не разрушать порядок. Я пришла… украсть кусочек жизни.

Брина вздохнула, но её глаза смягчились.

— Жизни у нас тут хватает. Только под ногами не мешайтесь. Там котёл, тут нож, там мальчишки таскают дрова — хрустнете, никто и не заметит.

— Прекрасно, — сказала Элария. — Значит, я идеально впишусь.

Слуги на кухне переглянулись. Кто-то улыбнулся. Кто-то тут же спрятал улыбку. Но воздух вокруг неё стал чуть теплее.

Брина сунула ей в руки миску с яблоками.

— Раз уж пришли — делайте хоть что-то полезное. Чи-

стите. И не режьте пальцы, иначе мне голову снимут.

— Мне тоже, — сказала Элария. — Но я постараюсь, чтобы это было красиво.

Она села у стола, взяла нож и начала чистить яблоко. Нож был обычный, не парадный, и рука почему-то чувствовала себя увереннее.

Рядом работала Рина, та самая горничная, что предупреждала её про завтрак. Рина бросила на неё быстрый взгляд.

— Вы правда не боитесь? — прошептала она.

— Чего? — так же тихо ответила Элария.

Рина замялась.

— Что… вас увидят.

Элария аккуратно сняла полоску кожуры и положила её в деревянную миску.

— Меня видят всегда, Рина, — сказала она спокойно. — Просто не так, как мне хотелось бы.

Рина хотела что-то сказать, но в этот момент на кухню вошёл мальчишка-подручный с корзиной трав.

— Брина! Тут… это… — он увидел Эларию и замер, будто ему показали дракона. — Л-леди…

— Не делай из меня событие, — сказала Элария, не поднимая головы. — Я просто чищу яблоки. Это, как видишь, не требует крови королей.

Мальчишка моргнул. Потом хихикнул, прикрывая рот ладонью.

Брина шикнула на него:

— Хватит таращиться. Несёшь — ставь. И не рассыпай.

Мальчишка поставил корзину и, уходя, прошептал так, чтобы Элария услышала:

— Вы смешная, леди.

Элария улыбнулась — и от этой простой фразы ей стало легче, чем от всех утешений отца.

На кухне новости приходили быстрее, чем в библиотеку.

— Говорят, на балу будут гости из Равельтов… — произнесла одна из служанок, нарезая зелень. Сказала ровно, как будто это было “будут новые свечи”.

Брина хмыкнула.

— Равельты? Или Ревальты? — уточнила она. — Те, что скупают старьё как хлеб?

— Те, — подтвердила служанка. — У них люди в белых перчатках. Всегда. Даже летом.

Элария подняла взгляд.

— Белые перчатки? — переспросила она, будто просто из любопытства.

— Ага, — служанка понизила голос. — И говорят, они могут выкупить всё. Даже молчание.

Элария вновь опустила глаза к яблоку. Нож послушно срезал кожуру. Но внутри что-то запомнило этот разговор, как запоминают запах дыма задолго до того, как увидишь огонь.

— Королева будет? — спросила другая служанка.

— А как же, — фыркнула Брина. — День рождения сына. Королева не то что будет — королева держит этот праздник.

У неё всё под контролем.

— Сильная, — тихо сказала Рина.

Элария не заметила, как сказала вслух:

— Очень.

Брина посмотрела на неё внимательнее.

— Вы её видели?

— Нет, — ответила Элария. — Но… я хочу.

— Не смотрите на королеву как на сказку, — неожиданно серьёзно сказала Брина. — Сказки делают из людей, чтобы жить было проще. А королева — это… работа. Каменная.

Элария кивнула. Ей понравилось это слово: "работа". Потому что работа — это то, что можно делать без дара.

Она дочистила яблоко и протянула его Брине.

— Вот. Моя лепта в судьбу королевских пирожных.

Брина взяла яблоко и вдруг, совсем по-доброму, шлёпнула её по пальцам полотенцем.

— Лепта у вас будет такая, что если вас поймают — я скажу, что вы меня заколдовали.

— Отлично, — сказала Элария. — Тогда я впервые в жизни воспользуюсь магией.

Во второй половине дня она сбежала во двор.

Не на парадную площадку, где Аделард тренировался под световой печатью. Туда ей было нельзя — не потому что запретили, а потому что там она чувствовала себя чужой сильнее всего.

Она пошла к дальнему двору, где тренировались страж-

ники поместья.

У Вейноров была небольшая дружина: охрана ворот, патрули, люди, которые должны были умереть первыми, если дом окажется под угрозой. Селеста называла их “необходимостью”. Отец — “людьми”.

Элария любила смотреть на них.

Не потому что мечтала о крови.

Потому что в их движениях было то, чего не было в световых куполах: честность.

Меч не слушался “потому что ты Вейнор”. Меч слушался потому, что ты учился.

Она стояла в тени яблонь у забора и смотрела, как двое стражников отрабатывают связку: шаг — удар — уход — разворот — блок.

— Локоть выше, — буркнул один. — Ты открываешь бок.

— Ты бы попробовал в твоих сапогах, — огрызнулся другой.

— Мои сапоги тут ни при чём. Твоя голова при чём.

Элария улыбнулась. Это было так… человечески. Без идеальности.

Она сделала шаг вперёд, и ветка яблони хрустнула.

Оба стражника обернулись.

— Леди Элария? — один из них мгновенно выпрямился.

Второй тоже выпрямился, но менее ловко — будто порядку его учила не дисциплина, а страх попасться.

— Не пугайтесь, — сказала Элария. — Я не пришла от-

бирать ваши мечи в пользу искусства.

— В пользу чего? — растерянно переспросил первый.

— В пользу красоты, — уточнила Элария и указала на их стойки. — Вы… это красиво делаете. Когда не ругаетесь.

Они переглянулись, не зная, как реагировать на комплимент от леди.

— Мы… служим дому, — осторожно сказал первый.

— Вот, — кивнула Элария. — Значит, вы лучше меня понимаете, как выживать, не имея дара.

Это прозвучало тише, чем она хотела. И оба стражника сразу стали внимательнее.

Первый — высокий, с коротко стрижеными тёмными волосами — смягчился.

— Меня зовут Харон, леди, — сказал он. — А это Тирс. Мы не… — он замялся, — …не учим дворян мечу.

— А я не дворянка, — сказала Элария слишком быстро, потом сама услышала и добавила, уже спокойнее: — Я дворянка по бумаге. Но мечу бумага не интересна.

Тирс хмыкнул.

— Бумага только режет пальцы, — пробормотал он.

Элария посмотрела на него и улыбнулась.

— Именно.

Харон кашлянул.

— Леди… если леди Селеста узнает…

— Она узнаёт всё, — вздохнула Элария. — Но пока она не здесь, я хочу хотя бы понять. Я не прошу учить. Я прошу…

показать.

Харон помолчал. В его взгляде было не благородство, а прагматика: стоит ли это проблем.

Потом он сказал:

— Вы держали меч?

Элария огляделась и увидела у стены деревянные тренировочные клинки.

— Только яблоки, — сказала она. — Но я быстро учусь.

Харон не улыбнулся, но в глазах его мелькнуло что-то живое.

— Ладно, — сказал он. — Один раз. Только стойка. И вы никому не говорите, что это я.

— Я никому не говорю даже, что дышу, — честно ответила Элария.

Харон взял деревянный клинок и протянул ей.

Элария ощутила его вес — простой, грубый, не изящный. И это было прекрасно.

— Ноги, — сказал Харон. — Не в линию. Шире. Таз ровно. Колени мягкие. Дышите.

Элария сделала как он сказал. Тело вдруг стало внимательным, как будто оно всё это знало, но ждало разрешения.

— Руки, — продолжил Харон. — Не зажимайте. Меч — это не враг. Если вы с ним боретесь, вы проиграли ещё до удара.

Элария подняла клинок.

— Так? — спросила она.

— Почти, — Харон подошёл ближе, осторожно поправил её кисть. — Вот. Теперь вы держите не дерево. Вы держите линию.

Слово “линия” ударило в неё странно — как будто отозвалось тем же, что она чувствовала, глядя на герб над кроватью.

— Линия… — повторила Элария.

— Да, — Харон не понял её задумчивости. — А теперь — шаг.

Элария шагнула вперёд, как он показал. Клинок двинулся вместе с ней.

И вдруг, на мгновение, она почувствовала: это не про силу. Это про точность.

Тирс, наблюдавший со стороны, фыркнул:

— Леди, вы сейчас пораните воздух.

— Не переживай, — сказала Элария. — Воздух меня уже ранил. Мы в расчёте.

Тирс не выдержал и рассмеялся.

Харон покачал головой.

— Ещё раз, — сказал он. — Медленно. Без спешки.

Элария повторила. И ещё. И ещё.

Мышцы начали ныть, но это была хорошая боль. Честная.

Она увлеклась настолько, что не заметила, как на площадку вышел отец.

Лорд Роан Вейнор остановился у забора и смотрел молча.

Элария заметила его только тогда, когда Харон вдруг рез-

ко выпрямился, как на параде.

— Милорд…

Элария замерла, клинок завис в воздухе. Сердце ударило в горло.

Отец подошёл ближе. Он смотрел не на стражников — на неё.

— Ты… — он начал и остановился, будто выбирая слова.

Элария приготовилась к любому: к упрёку, к приказу, к тихому “пожалуйста, не делай этого”.

Но отец улыбнулся.

— Я всегда думал, что ты найдёшь что-то своё, — сказал он. — Только не думал, что это будет меч.

Элария выдохнула так, будто до этого держала воздух в груди целый год.

— Мне нравится, как они двигаются, — призналась она. — Это… честно.

Отец кивнул.

— Честно — редкость. — Он посмотрел на Харона. — Спасибо, что показал.

Харон побледнел.

— Милорд, я… мы не имели…

— Вы служите дому, — спокойно сказал Роан. — И если моя дочь хочет понять, как служить себе — я не вижу в этом преступления.

Элария знала: Селеста бы увидела.

И словно в ответ на её мысль, из дальнего коридора до-

нёсся холодный голос:

— Роан.

Мать вышла во двор так, будто двор был залом суда.

Селеста остановилась на границе площадки. Взгляд её скользнул по деревянному клинку в руках Элории — и задержался.

— Это что? — спросила она.

Элария хотела сказать “игра”. Хотела сказать “ничего”. Хотела сказать “я просто смотрела”.

Но отец шагнул вперёд раньше.

— Это урок, — сказал он. — Не магии. Жизни.

Селеста посмотрела на него долго, так долго, что воздух словно стал тоньше.

— Жизни учат в доме, — произнесла она. — А не на площадке стражи.

Элария почувствовала, как клинок в руках становится тяжелее.

— Мне нравится меч, мама, — сказала она. И это было самым честным, что она говорила Селесте за долгое время. — Мне нравится, что он не требует дара.

Селеста моргнула.

— И именно поэтому тебе он не подходит, — ответила она спокойно. — Ты должна быть леди.

— А леди не могут держать меч? — спросила Элария.

— Леди не должны нуждаться в мечах, — сказала Селеста.

Элария открыла рот, чтобы ответить, но отец мягко коснулся её плеча, предупреждая: “не сейчас”.

Селеста посмотрела на Харона и Тирса.

— Вы свободны, — сказала она. — И впредь… без самодеятельности.

Стражники поклонились и отошли.

Элария стояла с деревянным клинком, как с уликой.

Селеста подошла ближе и сказала тихо, чтобы слышали только они:

— На балу ты не будешь размахивать мечами в фантазиях. Ты будешь стоять рядом и улыбаться. Поняла?

Элария сжала рукоять.

— Поняла, — сказала она.

Селеста развернулась и ушла.

Отец посмотрел ей вслед, потом снова на Эларию.

— Не ломайся, — сказал он тихо.

— Я не ломаюсь, — Элария подняла взгляд. Янтарные глаза светились упрямством. — Я учусь.

Отец кивнул.

— Тогда учись умно.

Он взял у неё деревянный клинок и поставил его у стены, будто возвращал предмет на место, чтобы не оставлять следов для будущих обвинений.

— Сегодня вечером, — сказал он. — Мать вызовет портных завтра. Это значит, что сегодня она будет… на взводе.

Элария усмехнулась.

— То есть как обычно, только с кружевами.

Отец тихо рассмеялся. И в этом смехе было больше поддержки, чем в тысяче речей.

Элария пошла к дому, чувствуя, как в руках всё ещё помнит дерево клинка.

И как внутри — впервые за долгое время — появляется не мечта “быть идеальной”, а желание “быть настоящей”.

А где-то в глубине поместья уже начинали шуршать ткани, коробки и списки гостей.

Бал приближался.

Глава 3: Кружева и кинжалы

Утро перед приездом портных было похоже на утро перед осадой.

В доме не звенели мечи — звенели иглы.

Не поднимались щиты — поднимались воротники.

Не раздавались приказы строем — раздавались шёпотом по коридорам: “осторожнее”, “смотри”, “не дай ей услышать”.

Элария проснулась раньше обычного, хотя никакой серебристый звон световой печати во дворе ещё не успел разбудить дом. Она лежала, глядя в потолок, и слушала: как движется поместье. Как за стеной шаги горничной становятся быстрее. Как внизу в столовой переставляют стулья. Как кто-то торопливо закрывает дверь, будто прячет не комнату — разговор.

Бал приближался.

И вместе с ним приближалось то чувство, от которого у Эларии с детства холодели пальцы: ощущение, что тебя приглашают туда, где тебя уже заранее исключили.

Она встала, накинула халат и подошла к окну.

Во дворе Аделард уже тренировался.

Световой купол над площадкой держался спокойно, почти равнодушно, а по его краю мерцало тонкое плетение. Магистр Орлен ходил вокруг брата и говорил ровным, довольно

ным голосом:

— Отлично. Ваша защита стала крепче. Это видно по краю плетения.

Аделард кивнул, будто речь шла не о магии, а о хорошем воспитании.

Элария смотрела недолго. Не потому что ей было больно. Потому что она поняла вчера: если смотреть слишком долго, начинаешь сравнивать. А сравнение — любимая привычка тех, кто живёт идеальностью.

Она отвернулась от окна и пошла к зеркалу.

Сегодня ей предстояло стать манекеном.

В столовой пахло свежим хлебом, но воздух всё равно казался холодным.

Селеста сидела уже за столом, как всегда — прямая, собранная, в платье, которое выглядело слишком парадным для завтрака. У матери была особая способность: любое утро превращать в обязанность.

Отец сидел рядом и держал чашку чая двумя руками. Это было его маленькое утреннее “укрытие”. Если держишь чашку — у тебя есть повод молчать.

— Доброе утро, — сказала Элария и села.

Селеста кивнула. Её взгляд скользнул по Эларии — по волосам, по халату, по ровности осанки — как взгляд инспектора. Мать всегда видела в дочери то, что нужно поправить.

— После завтрака ты будешь в гостиной, — сказала Селеста.

— Я буду дышать в гостиной? — уточнила Элария.

— Ты будешь мерить платье, — сухо ответила мать. — И слушать.

— Что? — спросила Элария, отламывая кусок хлеба.

— Всё, — сказала Селеста. — Что говорят. Как говорят. Кому говорят. Бал — это не праздник, Элария. Бал — это поле.

Элария посмотрела на отца.

— Она это сейчас сказала? — тихо спросила она. — "Поле".

Отец сделал вид, что кашляет. В глазах его мелькнуло веселье.

Селеста не улыбнулась.

— Ты не понимаешь, — продолжила она, словно объясняла простую арифметику. — На балу все будут смотреть. Не на тебя — на наш дом через тебя.

Элария замерла с хлебом в руках.

— Я не стекло, мама.

Селеста подняла взгляд.

— Ты часть витрины, — сказала она спокойно.

Отец чуть изменился в лице.

— Селеста… — начал он.

— Роан, — перебила она мягко, и от этого мягкого тона стало страшнее. — Я говорю не жестоко. Я говорю правду.

Элария выдохнула и заставила себя улыбнуться.

— Хорошо. Тогда давай договоримся. Я буду витриной, а

ты перестанешь ставить на меня клеймо.

Селеста прищурилась.

— Клеймо? — спросила она.

— “Аккуратной”, — сказала Элария. — “Не выделяйся”. “Не говори”. Это не забота, мама. Это… — она поискала слово, — …страх.

Тишина в столовой стала плотнее.

Мариэль, сидевшая напротив, перестала жевать и смотрела то на мать, то на сестру, широко раскрыв глаза.

Аделард поднял голову от тарелки и впервые за утро посмотрел на Эларию не как на фон, а как на человека.

Селеста положила ложку на стол. Совсем тихо. Но этот звук прозвучал как точка.

— Да, — сказала она. — Это страх.

Элария не ожидала честности.

Селеста продолжила:

— Страх, что дом Вейнор станет смешным. Что нас будут жалеть. А жалость — хуже презрения. Презрение можно сломать силой. Жалость — липнет к коже, как грязь.

Элария проглотила ответ. И впервые подумала: мать не ненавидит её. Мать ненавидит то, что она не может контролировать.

— Ты не виновата, — сказала Селеста, и это было почти ласково. — Но ты должна понять: мир не милосерден.

Отец поставил чашку.

— Мир не милосерден, — согласился он. — Поэтому мы

должны быть милосерднее.

Селеста посмотрела на него долго.

— Ты всегда был добрым, Роан, — сказала она. — И я люблю тебя за это. Но доброта не удержит дом, если дом начнёт рушиться.

— А что удержит? — спросила Элария.

Селеста посмотрела на неё.

— Порядок, — сказала она.

“Порядок.”

Элария снова почувствовала, как холодеют пальцы. Вчера она держала деревянный клинок — честный, простой. Сегодня она держала слова — и они резали сильнее.

Портные приехали ближе к полудню.

Три женщины и двое мужчин в серых плащах, с огромными чемоданами, которые казались тяжелее их самих. За ними пришёл ювелир — худой, с глазами, в которых не было ни восхищения, ни стыда. Только оценка.

Гостиная превратилась в мастерскую.

Ткани легли на кресла, столы, даже на пол, будто дом вдруг решил утонуть в кружеве. Золотые нитки сверкали в свете, примерочные ленты мелькали, иглы шуршали, как мелкие насекомые.

Селеста стояла в центре и управляла этим хаосом так, как управляла всем в своей жизни: спокойно, точно, не повышая голос.

— Вот это — для Аделарда, — сказала она, показывая на

темно-синий камзол с серебряной вышивкой. — Он должен выглядеть… уверенно.

— Милорд всегда выглядит уверенно, — поклонилась портниха.

Селеста кивнула, будто отметила правильный ответ.

— Мариэль — светлее. Пусть видят: дом не стареет.

Мариэль улыбнулась, и вокруг её пальцев вспыхнули крошечные искры. Портнихи зашептались восторженно.

Элария стояла чуть в стороне и ждала своего приговора.

Селеста наконец повернулась к ней.

— Элария.

Портнихи на мгновение замолчали.

Ювелир посмотрел на неё, как на пустое место, которое всё равно придётся обвести рамкой.

— Да, мама, — сказала Элария.

— Мы сделаем тебе платье, — сказала Селеста, и в её голосе было то самое спокойствие, от которого у Эларии всегда сжималось сердце. — Скромное. Достойное. Без лишнего.

— Без меня, — подумала Элария, но вслух сказала:

— Хорошо.

Портниха подошла ближе, обвела её взглядом — не злым, а профессиональным.

— Леди… у вас очень тёплая кожа и волосы. Если позволите… я бы предложила оттенок, который подчеркнёт глаза.

Селеста подняла руку.

— Нет, — сказала она. — Не нужно подчёркивать.

Портниха замерла.

Элария почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее. Она посмотрела на мать и тихо сказала:

— Подчёркивать что именно?

Селеста повернула голову.

— Всё, что может вызвать вопросы, — ответила она.

Элария улыбнулась — вежливо, но уже не мягко.

— Тогда, мама, может, просто надеть на меня простыню? Белую. Без вопросов.

Портнихи переглянулись и быстро опустили глаза.

Отец, стоявший у окна, тихо сказал:

— Элария.

Не как приказ. Как просьба.

Элария выдохнула.

— Извините, — сказала она портнихе. — Делайте, как считаете нужным. Только не дайте мне выглядеть как… мебель.

Портниха едва заметно кивнула, будто поняла.

Селеста ничего не сказала. Но её пальцы чуть сжались, и световой камень на кольце мигнул, словно от недовольства.

Ювелир тем временем открыл коробку с украшениями — тонкие цепочки, серьги, броши.

— Для леди Элария, — произнёс он и положил на стол ожерелье с маленьким световым камнем.

Элария наклонилась ближе.

— Это чтобы я… светилась? — спросила она.

Ювелир моргнул.

— Чтобы вы выглядели уместно, леди.

Элария взяла ожерелье двумя пальцами. Камень был красивый. Холодный. Он не отвечал ей ничем — потому что отвечать он мог только тем, кто имел к нему путь.

Она положила ожерелье обратно.

— Мне не нужно выглядеть светящейся, — сказала она тихо. — Мне нужно выглядеть живой.

Ювелир не понял. Или сделал вид. Он никогда не продавал "живое".

Селеста сказала резко:

— Ты наденешь то, что нужно.

Элария подняла взгляд.

— Для дома, — добавила мать.

Элария кивнула.

— Для дома, — повторила она и подумала: и против меня.

После примерок Элария выскользнула из гостиной, как выскальзывают из сети: тихо и быстро.

Ей нужно было пространство, где нет зеркал.

Она пошла в дальнюю часть сада, где стояли старые яблони, и села на низкую каменную ограду.

В руках у неё был маленький кусочек ткани — портниха незаметно вложила его ей, когда мерила рукава.

Ткань была тёплая, медового оттенка. Под янтарные глаза.

"Если позволите… я бы предложила."

Элария улыбнулась. На секунду.

Потом услышала шаги.

Отец подошёл и сел рядом.

— Ты держалась, — сказал он.

Элария фыркнула.

— Я была мебелью, папа. Мебель обычно держится.

Отец усмехнулся.

— Мебель не спорит с королевой дома.

— Тогда я плохая мебель, — сказала Элария.

Отец помолчал и посмотрел на неё серьёзно.

— Ты хочешь на бал? — спросил он.

Элария задумалась.

— Я хочу… увидеть, — сказала она честно. — Не их. Не их улыбки. Я хочу увидеть королеву. Я хочу понять, как можно быть сильной так, чтобы это не было… как у мамы.

Отец кивнул, будто понял больше, чем она сказала.

— Королева Лира сильная иначе, — тихо сказал он. — Её сила — это… не витрина. Это ответственность.

— Я хочу такую, — сказала Элария.

Отец посмотрел на неё долгим тёплым взглядом.

— Тогда будь готова, — сказал он. — Потому что ответственность — это боль, которая не даёт права капризничать.

Элария улыбнулась.

— Я уже тренируюсь, — сказала она. — Меня тренирует мама.

Отец рассмеялся. По-настоящему, тихо, но искренне.

— Да, — сказал он. — Самый суровый наставник в коро-

левстве.

Элария посмотрела на яблоню перед собой.

— Пап, — сказала она вдруг. — А если я никогда не буду… как они?

Отец не ответил сразу. Он поднял с земли яблоко, протёр его о рукав и протянул ей.

— Тогда ты будешь как ты, — сказал он. — И, возможно, это то, чего этому миру не хватает.

Элария взяла яблоко. Оно было тёплое от его руки.

И вдруг ей стало чуть легче дышать.

Бал был завтра.

И она знала: там её будут избегать. Там будут улыбаться так, чтобы она чувствовала себя пустой.

Но впервые за долгое время она думала не о том, как пережить бал.

А о том, как пережить жизнь.

И остаться собой.

Глава 4: Бал

Бал начинался ещё до того, как кареты тронулись с места.

Он начинался с дыхания матери.

Селеста стояла перед зеркалом в малой гостиной, где портнихи вчера оставили на кресле булавки и обрывки нитей, и дышала так, словно воздух был частью церемонии: ровно, тихо, без права на слабость. Её пальцы скользили по застёжке на горле Эларии — не как у матери, поправляющей дочери украшение, а как у человека, проверяющего узел на верёвке.

— Не трогай, — сказала Селеста, когда Элария машинально подняла руку к ожерелью.

Элария замерла.

Ожерелье было из тех “правильных” — тонкая цепочка, маленький световой камень, который не горел, но обещал, что в нужном обществе будет смотреться “уместно”. Камень холодил кожу, как напоминание: ты здесь не по своей воле, а по формату.

— Оно будто чужое, — тихо сказала Элария.

— Оно — необходимость, — ответила Селеста. — Ты должна выглядеть… завершённой.

“Завершённой”, — подумала Элария. Как витрина.

Она посмотрела на своё отражение.

Платье всё-таки сделали не бесцветным. Портниха насто-

яла на тёплом оттенке — медовом, приглушённом, так что он не кричал, но оживлял её кожу и волосы. Рукава сидели идеально. На талии — тонкая вышивка, аккуратная, не вызывающая. Всё было так "правильно", что Эларии хотелось добавить к этому хотя бы одну неправильность — выбившуюся прядь, несимметричную складку, что-то живое.

Но мать смотрела так, что даже пряди прятались обратно.

— Помни, — сказала Селеста, и её голос стал мягким, как бархат на лезвии. — Ты стоишь рядом. Ты улыбаешься. Ты не торопишься говорить. Ты не торопишься смеяться. Ты не торопишься жить.

Элария подняла бровь.

— Последнее звучит как наказание.

Селеста не отреагировала на шутку.

— Это защита, — сказала она. — Для тебя. Для дома.

— Для дома, — повторила Элария, как слово, которое ей часто давали вместо объятий.

Отец вошёл, когда Селеста уже отступила на шаг, оценивая результат.

Лорд Роан Вейнор был в парадном камзоле, но выглядел в нём не "властно", а… немного нелепо, как добрый человек в слишком строгой одежде. Он улыбнулся Эларии — тепло и искренне — и этот простой жест вернул ей дыхание.

— Ты красивая, — сказал он тихо. — Настоящая. Не витрина.

Селеста бросила на него взгляд: не подрывай мой порядок.

Отец только мягче улыбнулся.

— Я буду рядом, — добавил он, наклоняясь к Эларии. — Если станет слишком… шумно — смотри на меня. Договорились?

Элария кивнула.

— Договорились.

— И ещё, — шепнул он, так чтобы Селеста не услышала. — Если увидишь королеву… не пытайся быть идеальной. Просто будь уважительной. Королева сильна, потому что не играет в маски. Она и так видит их.

Элария почувствовала, как внутри вспыхивает детское восхищение, почти неприличное для взрослой леди.

— Я не уверена, что смогу не смотреть на неё как на чудо, — призналась она.

— Смотри, — сказал отец. — Только не забывай: чудо — тоже человек.

Селеста кашлянула, и разговор закончился.

— Пора, — сказала она. — Не опоздаем.

Элария подала руку матери. Не потому что хотела — потому что так было правильно. И потому что в этом доме "правильно" часто заменяло "хочу".

Дворец встречал их светом.

Не тем мягким светом, что бывает в домах, где любят тепло. А светом, который призван показывать: здесь власть. Здесь всё видно. Здесь нечему прятаться.

Кареты выстроились вдоль внешнего двора, и под арками,

где висели световые печати, стояли стражники — ровные, неподвижные, как статуи. Элария сразу заметила: охрана была не “праздничной”. Это была охрана, которая помнит войну.

У ворот людей пропускали быстро, но не автоматически. У каждого гостя спрашивали имя, дом, проверяли приглашение. И всё это делали так вежливо, что любое возмущение выглядело бы глупостью.

— Это из-за слухов? — тихо спросила Элария у отца, когда их карету остановили на мгновение дольше обычного.

— Это из-за памяти, — ответил он так же тихо. — Королева не забывает, что мир ломается быстро.

Селеста выпрямилась.

— Спина, — прошептала она Эларии. — Подбородок. Улыбка.

Элария натянула улыбку — ровную, воспитанную. Ту, которую она называла “на случай удара”.

И они вошли.

Внутри дворец был огромным, но не пустым. Он был наполнен людьми — не толпой, а сложной системой: группами, кругами, линиями взглядов. Здесь никто не стоял случайно. Каждый выбирал позицию, как выбирают точку на карте.

Музыка лилась сверху, из галереи, но звучала осторожно, будто даже скрипки боялись ошибиться.

Элария шла рядом с матерью и чувствовала, как на неё смотрят и… не смотрят одновременно.

Люди замечали её, фиксировали, как факт, и тут же переводили взгляд дальше — туда, где было что-то важнее.

Селеста, как и обещала, держала её рядом. Это выглядело как забота. Но ощущалось как контроль.

— Дом Вейнор, — произнёс глашатай.

Селеста сделала идеальный поклон, отец — чуть менее идеальный, но искренний. Аделард поклонился легко, как будто воздух сам принял его. Мариэль старательно повторила, и искры света едва заметно дрогнули вокруг её пальцев — она волновалась и радовалась одновременно.

Элария поклонилась последней.

И услышала шёпот справа — слишком тихий, чтобы считаться сказанным вслух, но достаточно громкий, чтобы считаться услышанным.

— Это та самая?

— Да. Средняя.

— Без искры.

— Бедная.

— Не бедная. Опасная. С такими не знаешь, как говорить — вдруг прилипнет.

Элария не обернулась.

Первое правило Орлена: “Не показывайте, что вам больно.”

Элария улыбалась.

Она увидела королеву не сразу.

Сначала Элария увидела, как люди вокруг меняются, ко-

гда королева приближается.

Не кланяются — это было бы просто. Люди делали другое: они начинали говорить тише, двигаться аккуратнее, будто пол стал тоньше. Их маски становились более гладкими. Улыбки — более выверенными. И в этом выверенном напряжении Элария почувствовала: вот она.

Лира вошла в зал так, словно свет был её выбором, а не обязанностью.

На ней было платье глубокого оттенка — не белое и не золотое, как любили жрицы и те, кто хочет выглядеть "светом". Платье было тёплым, но сдержанным, как человек, который знает цену демонстрациям. Корона — не громоздкая, не театральная — сидела уверенно и просто. Как часть головы, а не как доказательство статуса.

Лира улыбалась, но не так, как улыбаются на балах.

Её улыбка была усталой и живой.

Рядом с ней шёл мужчина — высокий, спокойный, с тёмными волосами и мягким взглядом. Он держался чуть позади, не в тени, а в уважительной дистанции. Не как охранник, не как хозяин. Как человек, который согласился быть рядом, не требуя места в центре.

Это был её муж — принц-консорт Терен Гален.

Элария знала о нём то, что знали все: Терен был из старого дворянского дома, связанного с северными рубежами, когда-то служил в пограничных войсках, потом стал советником по провинциям. Он не стремился править. Он был тем,

кого в политике называют “стабильностью” — и кто в жизни чаще всего оказывается просто… хорошим человеком.

И именно поэтому Лира выбрала его.

Не для власти.

Для мира.

Рядом с ними, чуть впереди, бегал мальчик лет семи — в парадном костюме, явно неудобном. Он пытался держаться “как принц”, но периодически забывал и улыбался так широко, что это было неприлично для будущего короля.

Принц Эдрик.

Сегодня был его день.

Элария поймала себя на том, что смотрит на эту тройку так, будто смотрит на картину, где вдруг обнаружила: в мире возможно быть сильной и при этом оставаться человеком.

— Не задерживай взгляд, — тихо сказала Селеста рядом. — Это невежливо.

Элария не оторвалась.

— Это красиво, — прошептала она.

Селеста сжала губы.

— Это власть, — поправила она.

— Нет, — тихо ответила Элария. — Это… удерживание.

Селеста не поняла. Или не захотела понять.

На балах самое страшное — не когда на тебя смотрят.

Самое страшное — когда тебя не выбирают.

Первые десять минут Элария думала: может, всё будет нормально. Люди просто заняты. Люди обсуждают полити-

ку. Люди смотрят на королеву, на принца, на союзы, на платья, на сияние.

Потом первая леди подошла к их группе — знакомая Селесты, мать одной из сверстниц Эларии, и улыбнулась так, будто уже давно решила, что Элария — фон.

— Селеста, дорогая, — сказала она. — Какой чудесный выбор ткани для Мариэль. Такой светлый оттенок. Девочка прямо… сияет.

Мариэль зарделась.

— Спасибо, леди Граэль, — сказала Селеста с довольной улыбкой.

Леди Граэль скользнула взглядом по Эларии. На долю секунды. Как по мебели.

— А… — сказала она, будто вспомнила. — Да. И ты здесь, Элария.

— Я здесь, — улыбнулась Элария. — Удивительно, правда?

Леди Граэль моргнула, не ожидая ответного удара.

— Конечно, конечно, — быстро сказала она. — Как… как мило.

И тут же повернулась к Аделарду.

— Милорд Аделард, говорят, ваше плетение на печати уже почти академического уровня…

И всё. Эларии больше не существовало.

Дальше было хуже.

Когда начались танцы, и пары стали формироваться есте-

ственно, как вода находит русло, Элария обнаружила, что рядом с ней остаётся пустота.

Она стояла у края зала, улыбалась и ждала — не потому что надеялась, а потому что так было принято. И видела, как её сверстницы словно случайно уходят чуть дальше, чуть в сторону, чуть быстрее.

— Леди Элария, — сказала одна из девушек, подходя на секунду. Её звали Лисенна. Она была милой, ровной, правильной. — Ах… простите. Я обещала этот танец уже…

— Конечно, — сказала Элария. — Я бы тоже обещала, если бы меня спрашивали.

Лисенна покраснела и быстро исчезла.

Отец, стоявший неподалёку, сжал челюсть, но молчал.

Селеста делала вид, что не замечает. Или действительно не замечала — для неё это было "в рамках ожидаемого".

Аделард пару раз бросил взгляд на Элярию, будто хотел подойти. Но вокруг него уже были люди. Вокруг него всегда были люди.

Мариэль хотела подбежать к Элярии, но Селеста удержала её лёгким движением руки. Не грубо — аккуратно. Как отводят ребёнка от лужи.

Элария стояла одна.

И вдруг поняла: одиночество на балу хуже одиночества в лесу. В лесу тебе хотя бы не улыбаются.

Она решила сделать то, что делала всегда, когда не могла выиграть силу — она выиграла движение.

Элария шагнула в сторону, прошла вдоль колонн, туда, где стояли высокие двери в боковые галереи. Там было тише. Там были люди, которые не танцевали — люди, которые наблюдали.

Среди них она заметила мужчину в белых перчатках.

Не молодого, не старого — "правильного возраста" для тех, кто не спешит. Он не пил, не ел, не разговаривал. Он просто смотрел на зал так, будто оценивал не красоту, а стоимость.

Элария вспомнила кухонный шёпот: "белые перчатки… Ревальты… выкупают всё, даже молчание."

Мужчина в перчатках поймал её взгляд.

На мгновение Эларии показалось, что он улыбается — едва заметно, уголком губ, как человек, который увидел вещь, а не человека.

Она отвернулась.

Ей было не страшно. Ей было… неприятно, как от холодного камня на шее.

В боковой галерее было прохладнее. Здесь стояли стражники. Не на виду, но в нужных точках. И среди них Элария увидела того, кого знала по слухам и рассказам — человека, чьё имя произносили с уважением даже те, кто не уважал никого.

Арвид.

Он был в форме королевской стражи, но не в парадной. На нём было что-то практичное, почти боевое — тёмный плащ,

крепления, перчатки, на которых виднелись следы рунической обработки. Его лицо было спокойным, как у человека, который видел слишком много, чтобы бояться. Он не стоял неподвижно — он двигался по периметру так, как двигаются командиры: сдержанно, но постоянно.

Арвид остановился у одного из стражников, сказал что-то тихо. Тот кивнул и сменил позицию.

Элария поймала себя на мысли: вот кто держит зал, пока все делают вид, что это праздник.

Она подошла ближе, не слишком близко, чтобы не выглядеть навязчивой.

Арвид заметил её сразу.

Его взгляд скользнул по ней быстро — оценка угрозы, привычка службы — и тут же стал обычным.

— Леди, — сказал он вежливо. — Потерялись?

Элария улыбнулась.

— Скорее… нашлась, — сказала она. — Здесь тише.

Арвид посмотрел на зал.

— Тише — не значит безопаснее, — заметил он.

Элария кивнула.

— Я это сегодня изучаю.

Арвид чуть прищурился, будто разглядел в её словах не жалобу, а характер.

— Дом Вейнор, — сказал он. — Вы рядом с Селестой.

Это не было вопросом. Это было знанием. У Арвида всё было знанием.

— Да, — ответила Элария. — Я — часть витрины.

Арвид не улыбнулся, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

— Витрины иногда отражают больше, чем хотят владельцы, — сказал он.

Элария моргнула.

— Это… угроза?

— Это наблюдение, — спокойно сказал Арвид. — Сегодня много наблюдений.

Он посмотрел чуть левее, туда, где стоял тот самый мужчина в белых перчатках, и добавил:

— Некоторые наблюдают слишком профессионально.

Элария почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Вы знаете его? — спросила она.

— Я знаю тип, — ответил Арвид. — И этого достаточно.

Он перевёл взгляд на неё.

— Держитесь ближе к семье, леди. Не потому что они вас защитят. А потому что это меньшее из зол.

Элария тихо усмехнулась.

— Вы умеете утешать.

Арвид посмотрел на неё серьёзно.

— Я умею сохранять, — сказал он. — Утешение — роскошь, которую можно позволить после сохранения.

И тут из зала донёсся смех — звонкий, детский.

Эдрик убежал от матери и пытался спрятаться за колонной, где стояла Элария. Он, очевидно, решил, что это отлич-

ная игра: спрятаться в самом неподходящем месте.

Арвид мгновенно напрягся, но тут же увидел принца и расслабился ровно настолько, насколько позволяла должность.

— Ваше Высочество, — произнёс он тихо. — Нельзя бегать так далеко.

Эдрик посмотрел на него и показал язык — как самый обычный мальчик.

— Я прячусь! — прошептал он заговорщически.

Арвид вздохнул, как человек, который давно проиграл войну с детской энергией.

— От кого? — спросил он.

— От всех, — сказал Эдрик радостно. — Они скучные.

Элария не выдержала и тихо рассмеялась.

Эдрик повернулся к ней.

— Ты тоже скучная? — спросил он прямо.

Элария замерла. Вопрос был опаснее любого шёпота дворян.

— Зависит, — сказала она. — Если ты любишь карты и мечи — тогда нет.

Глаза Эдрика загорелись.

— Мечи?! — прошептал он с восторгом. — Мне запрещают!

— Потому что ты будущий король, — сказала Элария. — А будущим королям нельзя быть счастливыми. Только правильными.

Эдрик нахмурился, как будто впервые услышал что-то важное.

Арвид кашлянул.

— Леди, — сказал он предупреждающе.

Элария подняла ладони.

— Шутка, — быстро сказала она. — Почти.

Эдрик вдруг взял её за руку.

Его ладонь была тёплой. Живой. Настоящей. И от этого простого прикосновения Элария почувствовала странную боль — не от грусти, а от того, как мало в её жизни было таких простых вещей.

— Пойдём, — сказал Эдрик. — Я покажу тебе, где прячется самая большая конфета.

— Ваше Высочество, — начал Арвид, но Эдрик уже потянул Эларию.

Элария подняла взгляд на Арвида, как будто спрашивая разрешения.

Арвид смотрел на неё секунду, потом кивнул едва заметно — так, чтобы это не было "разрешением", но было пониманием.

— Недолго, — сказал он. — И в пределах видимости.

Элария кивнула.

И в этот момент она увидела Лиру — королеву — которая смотрела на них из зала.

Лира смотрела не как правительница. Как мать. И в её взгляде было что-то усталое и доброе, и… внимательное.

Элария остановилась на секунду, поймав этот взгляд, и поклонилась — неловко, слишком искренне.

Лира улыбнулась ей в ответ.

Просто.

Без витрины.

И Элария вдруг поняла: вот она — сила, которой она восхищалась. Сила, которая не требует от других быть идеальными, чтобы принять их как людей.

Эдрик потянул её дальше.

— Быстрее, — прошептал он. — Пока мама не увидела!

Элария едва слышно усмехнулась.

— Боюсь, она уже видит всё, — прошептала она. — Просто делает вид, что нет.

Они пошли вдоль колонн, и на секунду Эларии показалось, что она перестала быть "средней дочерью без дара".

Она стала просто человеком, которого ребёнок выбрал не по статусу, а по интересу.

И это было самое опасное и самое прекрасное чувство на всём балу.

Эдрик привёл её к конфетам не в сокровищницу и не в тронный зал — а туда, где в дворцах обычно прячут самое ценное: в маленькую боковую комнату, которую взрослые считают неважной.

Комната была заставлена стульями и ширмами. На столе у стены стоял поднос с угощением для тех, кто "не успел" на основной, и там действительно лежали конфеты — шоколад-

ные, тёмные, с золотистой пудрой сверху. Эдрик потянулся к ним так, будто это был подвиг.

— Тише, — прошептала Элария, автоматически улыбаясь. — Ты хочешь, чтобы тебя поймали?

Эдрик посмотрел на неё серьёзно, как человек, который понимает истинную цену риска.

— Поймали — значит заметили, — сказал он. — А если не поймали… значит, я был невидимым. Я ненавижу невидимость.

Элария замерла.

Слова ребёнка ударили в неё неожиданно — не потому, что он сказал что-то умное. А потому, что он сказал то, что она сама никогда не позволяла себе произнести вслух.

— Невидимость не всегда плохая, — сказала она тихо.

Эдрик фыркнул и сунул конфету в рот.

— Плохая, — сказал он с полным ртом. — Потому что тогда никто не знает, что ты существуешь.

Элария улыбнулась — на этот раз без маски.

— Тогда я существую, — сказала она и тоже взяла одну конфету. Она не любила сладкое, но сейчас это было не про вкус. Это было про маленькое, детское “мы вместе”.

Эдрик внимательно посмотрел на неё.

— Ты грустная, — сообщил он. — Но смешная.

— Это моя основная профессия, — сказала Элария. — Быть смешной, чтобы не быть грустной.

Эдрик кивнул так, будто она сказала очевидное.

— Я тоже, — сказал он.

И опять эти два слова — “я тоже” — сделали что-то внутри неё, чего не делали целые залы улыбок.

Она не успела ответить, потому что дверь в комнату открылась.

Не резко. Не шумно. Вежливо — как открывают дверь те, кто привык, что им не отказывают.

На пороге стоял Терен Гален.

Элария узнала его сразу — не по описаниям, а по манере держаться. Он не входил, как хозяин. Он входил, как человек, который несёт ответственность за тех, кого любит.

На лице его была усталость, но взгляд оставался мягким. Он посмотрел сначала на Эдрика, потом на Эларию, и Элария инстинктивно выпрямилась.

— Ваше Высочество, — сказала она и сделала поклон.

Терен поднял ладонь, останавливая жест.

— Не надо, — сказал он спокойно. — Здесь не зал.

Эдрик замер с конфетой в руке.

— Я не прячусь, — быстро сказал он.

— Конечно нет, — сухо ответил Терен. В его голосе появилась та самая тёплая ирония, которая бывает только у взрослых, умеющих любить детей и одновременно не позволять им разрушать дворец. — Ты ведёшь разведку сладостей.

Эдрик сиял.

— Да! А она… — он ткнул пальцем в Эларию, — она со мной. Её никто не зовёт танцевать, потому что они скучные.

Элария почувствовала, как у неё поднимается жар до ушей.

— Ваше Высочество, — начала она.

Терен посмотрел на неё и едва заметно улыбнулся.

— Дети обычно говорят правду слишком громко, — сказал он. — Не волнуйтесь.

— Я не волнуюсь, — сказала Элария автоматически.

— Конечно, — так же спокойно сказал Терен. — И поэтому у вас пальцы так крепко держат конфету.

Элария посмотрела на свою руку и разжала пальцы. Пальцы действительно побелели.

Терен шагнул ближе, опустился на корточки перед Эдриком.

— Ты знаешь правило, — сказал он тихо. — Ты не уходишь так далеко без стражи. Не потому что мир страшный. А потому что мир может быть глупым.

Эдрик насупился.

— Но Арвид видел.

— Арвид видит всё, — согласился Терен. — Но он не может быть в каждой комнате сразу.

Эдрик вздохнул. Потом поднял конфету.

— Можно мне ещё одну? Я уже взрослый.

Терен рассмеялся коротко и неожиданно — так, что это было почти незаметно, но очень живо.

— Вот что я тебе скажу, — сказал он. — Если ты вернёшься к матери сам, без погони… у тебя будет две.

Эдрик задумался. Сделка была выгодная.

— Ладно, — сказал он, делая важный вид. — Но ты тоже должен идти со мной. Потому что мама будет делать лицо.

— Я знаю, — вздохнул Терен. — Я живу с этим лицом уже несколько лет.

Эдрик хихикнул и посмотрел на Эларию.

— Пойдёшь? — спросил он. — Ты прикольная.

Элария хотела сказать "конечно" — потому что ей хотелось. Но она вспомнила мать, вспомнила витрину, вспомнила "не выделяйся".

Она опустила взгляд.

— Я… — начала она.

Терен посмотрел на неё внимательно.

— Леди… — сказал он мягко. — Я не знаю вашей истории. Но я вижу, что вы сейчас выбираете между "правильно" и "по-человечески".

Элария подняла на него взгляд. Янтарные глаза дрогнули.

— По-человечески иногда стоит дорого, — сказала она тихо.

— Да, — согласился Терен. — Но "правильно" иногда стоит жизни.

Элария моргнула.

Это было слишком серьёзно для комнаты с конфетами.

И всё же она кивнула.

— Я пойду, — сказала она.

Возвращение в зал было похоже на возвращение на поле,

где уже началась игра.

Музыка продолжала звучать, улыбки продолжали блестеть, разговоры продолжали течь. Но для Эларии всё стало иначе.

Потому что теперь рядом с ней шёл ребёнок, которого нельзя было игнорировать.

И рядом с ней шёл муж королевы — человек, который не имел формальной власти над залом, но имел то, что делало его опаснее: право быть рядом с королевой и оставаться собой.

Когда они вышли из бокового прохода, люди обернулись.

Кто-то улыбнулся слишком быстро.

Кто-то перестал говорить на середине фразы.

Селеста заметила их первой.

Элария увидела мать издалека — её силуэт был как нож: прямой, холодный, без лишнего. Селеста смотрела на Эларию так, как смотрят на трещину в фарфоре, которую нельзя показать гостям.

Отец стоял рядом, и по его лицу Элария поняла: он видел. Он понял, что происходит. И он не знает, как её спасти, не разрушив порядок, который мать держит руками.

Эдрик выбежал вперёд и подбежал к Лире.

— Мама! — сказал он радостно. — Я был в разведке! И нашёл конфеты! И она была со мной!

Он показал на Эларию, будто представлял трофей.

Лира повернула голову.

И снова — тот взгляд.

Не оценивающий, не королевский. Просто внимательный. Лира посмотрела на Эларию так, словно видела человека, а не витрину.

Элария сделала глубокий поклон.

— Ваше Величество.

Лира чуть кивнула. Её улыбка была мягкой, но в глазах стояла усталость — не слабость, а память.

— Леди Вейнор, — сказала она. Голос её был спокойный и ровный. — Спасибо, что присмотрели за моим сыном.

Элария почувствовала, как у неё горит лицо.

— Он… — она посмотрела на Эдрика, — он очень умный.

Эдрик довольно фыркнул.

Лира чуть улыбнулась, но потом взгляд её стал серьёзнее — всего на мгновение.

— Он ещё учится быть умным, — сказала она. — И учится выбирать людей.

Элария не сразу поняла, почему эти слова звучат так весомо.

Терен положил ладонь на плечо Эдрика.

— Ваш сын выбирает хороших, — сказал он Лире.

— Я вижу, — ответила Лира тихо.

И вот тогда Элария заметила: рядом, чуть в стороне, стоит Арвид. Он не вмешивается. Он не делает вид, что это спектакль. Он просто держит пространство вокруг королевы. Его взгляд скользнул по залу, остановился на белых перчатках в

галерее — и задержался на секунду дольше.

Элария тоже посмотрела туда.

Человек в белых перчатках всё ещё стоял там, где стоял. Он смотрел на них. Не на королеву — на Эдрика и на Элария. Как на два элемента, которые внезапно оказались рядом.

Элария почувствовала неприятный холод в животе.

Лира повернулась к Арвиду.

— Всё спокойно? — спросила она тихо, но так, что это слышалось как приказ.

Арвид ответил так же тихо:

— Пока да.

“Пока.”

Слово повисло в воздухе.

Лира кивнула, и на этом разговор закончился — не потому, что нечего было сказать, а потому, что королева умела прятать важное за обычным.

— Эдрик, — сказала Лира уже мягче. — Ты обещал мне танец.

Эдрик скривился.

— Я обещал, но танцы скучные.

— Тогда это будет самый короткий танец в истории, — сказала Лира.

Эдрик посмотрел на Элария.

— Ты тоже иди! — прошептал он. — Пусть они все увидят, что ты существуешь.

Элария замерла.

Селеста сделала шаг вперёд.

— Ваше Величество, — сказала она, улыбаясь. — Позвольте… моя дочь…

Элария услышала в голосе матери тот самый тон: “я заберу это обратно, пока это не стало проблемой”.

Лира посмотрела на Селесту. Спокойно. Но взгляд был как световой нож: мягкий на поверхности и режущий в глубине.

— Ваша дочь уже здесь, — сказала Лира. — И мой сын уже её выбрал в спутники на пару минут. Я не вижу повода отказывать ребёнку.

Селеста на секунду застыла. Мать не ожидала, что её порядок будет перерезан так просто — одной фразой, без крика.

— Конечно, — сказала Селеста. — Если это желание… принца.

Колени предательски ослабли.

Терен посмотрел на неё и тихо сказал:

— Дышите. Это всего лишь танец. Но иногда “всего лишь” меняет многое.

Элария кивнула и шагнула вперёд.

Музыка сменилась на более лёгкую, детскую мелодию. Лира взяла Эдрика за руку. Эдрик взял Эларию за другую. Пальцы ребёнка крепко сжали её ладонь, и эта простая теплота вдруг стала защитой.

Они сделали несколько шагов — неловких, смешных, слишком простых для бала.

Люди смотрели.

Кто-то улыбался искренне. Таких было мало.

Кто-то улыбался вынужденно. Таких было больше.

Кто-то улыбался холодно. И такие запоминались лучше всего.

Элария заметила взгляд матери. Он был ровный. Но в нём было всё: “ты нарушаешь”, “ты позоришь”, “ты привлекаешь”.

Она посмотрела на Лиру.

Лира держалась спокойно. Как человек, который знает: если ты живёшь властью, ты должен уметь выдерживать взгляды.

Танец действительно был короткий.

Но когда он закончился, и Эдрик радостно убежал к конфетам — теперь уже под присмотром двух стражников — Элария осталась стоять рядом с Лирой ещё на секунду.

И Лира тихо сказала, не глядя на неё:

— Вы хорошо держитесь.

Элария моргнула.

— Простите?

— Бал — тяжёлое место для тех, кого хотят сделать невидимыми, — сказала Лира. — Я это знаю.

Элария не знала, что ответить. Она чувствовала горло тугим.

— Спасибо, — выдохнула она. — Ваше Величество.

Лира наконец посмотрела на неё прямо.

— Сильные не всегда сияют, — сказала она. — Иногда они просто не ломаются.

И улыбнулась — коротко, по-человечески.

Внутри наконец стало… ровнее.

Через несколько минут Селеста увела Эларию в сторону так быстро и аккуратно, что никто не мог сказать, что это грубо.

Они остановились у колонны, где звук музыки был тише.

Селеста улыбалась. Это была самая страшная улыбка в её арсенале.

— Ты понимаешь, что ты сделала? — спросила мать тихо.

— Я потанцевала, — сказала Элария. — С ребёнком.

— Ты оказалась рядом с короной, — сказала Селеста. — Без необходимости. Без приглашения.

— Меня пригласили, — возразила Элария.

— Тебя использовали, — холодно сказала Селеста. — Дети используют людей как игрушки. Королевские дети — как символы. Ты не понимаешь, какие разговоры начнутся?

Элария посмотрела на мать внимательно.

— Пусть начнутся, — сказала она. — Может, хоть раз разговоры будут не о том, чего во мне нет.

Селеста на секунду потеряла контроль — всего на миг, но Элария увидела.

— Ты думаешь, ты побеждаешь? — прошептала мать. —

Ты думаешь, это сила?

— Нет, — сказала Элария. — Я думаю, это жизнь.

Селеста сжала губы.

— Жизнь — роскошь, — сказала она. — А мы живём в правилах.

Элария улыбнулась.

— Тогда я начну учиться нарушать.

Селеста резко вдохнула, будто хотела сказать что-то жёсткое, но в этот момент к ним подошёл лорд Роан.

Он посмотрел на Селесту мягко, но твёрдо.

— Селеста, — сказал он спокойно. — Дай ей дышать хотя бы сегодня.

Селеста посмотрела на него. Долго.

Потом улыбнулась — снова "правильно".

— Конечно, — сказала она. — Сегодня праздник.

И ушла.

Элария осталась с отцом.

— Ты видела её? — спросил он тихо.

Элария поняла, что он имеет в виду Лиру.

— Да, — сказала она. — Она… настоящая.

Отец кивнул.

— Тогда запомни это чувство, — сказал он. — Потому что дома тебе будут говорить другое.

Элария смотрела в зал.

Человек в белых перчатках всё ещё был там. Теперь он разговаривал с кем-то — с кем-то из тех, кого Элария не зна-

ла, но чьи движения были слишком уверенными для простых гостей. Его лицо не выражало эмоций. Только расчёт.

Элария вдруг поняла: есть взгляды, которые хотят, чтобы ты существовала. И есть взгляды, которые хотят, чтобы ты стала предметом.

Она не знала, что это значит.

Пока.

Но в груди у неё поселилось неприятное предчувствие — как заноза, которую невозможно достать сразу.

Бал был красивым.

И всё же Элария уходила с него не с радостью, а с ясностью.

Она увидела королеву, которой восхищалась.

Она почувствовала, что может быть видимой.

И впервые поняла: видимость — это не только подарок.

Иногда это цель для тех, кто умеет покупать.

Глава 5: Эхо

На следующий день после бала дворец уже был далеко.

А вот бал — нет.

Он остался в словах, которые не успели сказать, но успели подумать. В взглядах, которые вчера мазнули Эларию по краю и ушли дальше. В улыбках, которые сегодня стали чуть более ровными, чуть более осторожными — потому что любой праздник заканчивается, а память остаётся.

В поместье Вейноров утро пахло не хлебом, а новостями.

Элария проснулась от того, что за стеной кто-то говорил слишком тихо — а значит, говорил о ней.

— …это было… странно, — шептал голос Рины.

— Тише ты, — шипела Мара. — Странно — это когда корова на крышу залезла. А это — политика.

— Но леди Элария… она же…

— Она же Вейнор, — отрезала Мара. — И вчера её держала за руку сама королева. Если тебя держит королева — тебя видят все. Даже те, кто делает вид, что не видит.

Элария лежала и смотрела в потолок.

Первое правило Орлена работало и в спальне: не показывай, что больно.

Но больно не было.

Было… горячо. Словно внутри, под рёбрами, кто-то оставил маленький огонёк. Не дар. Не магию. Просто чувство: я

существую.

Она поднялась, поправила волосы, натянула домашнее платье и вышла из комнаты так, будто ничего не изменилось.

Как и положено в доме, где изменения — враги порядка.

За завтраком Селеста была ещё прямее, чем обычно.

Если накануне она напоминала холодный нож, то сегодня — нож, лежащий на столе рядом с хлебом: не потому что кто-то собирается резать, а потому что всем должно быть понятно, кто тут держит форму.

Отец сидел с чашкой чая и выглядел так, будто проснулся с мыслью: “сегодня будет тяжело”.

Аделард листал письмо — тонкий конверт с гербом одного из соседних домов. Он делал вид, что ему всё равно, но пальцы держали бумагу слишком аккуратно.

Мариэль сияла.

Не магически — просто человечески. Её глаза блестели так, будто вчерашний танец всё ещё звучал у неё в голове.

— Эли! — прошептала она, едва Элария вошла. — Ты видела, как Эдрик споткнулся? Он почти упал, но мама Лира… — Мариэль замолчала, поняв, что сказала “мама” про королеву слишком по-дружески.

Селеста подняла взгляд.

— Мариэль, — произнесла она ровно.

Мариэль побледнела.

— Простите, мама.

Элария села и положила салфетку на колени. Салфетка

была идеально сложена. Её хотелось смять.

Селеста молчала две минуты. Ровно столько, чтобы никто не расслабился.

Потом сказала:

— Сегодня к нам придёт визитер из дворца.

Отец поднял брови.

— Кто?

— Посланник протокола, — ответила Селеста. — Благодарность за присутствие дома Вейнор и… за "внимание к принцу".

Последние слова были произнесены так, будто "внимание" — это болезнь, которую принесли домой.

Элария спокойно отломила кусок хлеба.

— Я просто помогла ему найти конфеты, — сказала она.

Селеста посмотрела на неё.

— В дворце нет "просто", — сказала она. — Там любой шаг — заявление.

— Тогда я заявляю, что конфеты вкусные, — ответила Элария, не удержавшись.

Отец кашлянул, скрывая улыбку. Аделард хмыкнул.

Селеста не улыбнулась.

— Ты вчера была рядом с королевой, — сказала она медленно. — И рядом с принцем. И рядом с мужем королевы. Терен Гален — человек спокойный, но это не значит, что он не видит, что вокруг.

— Он видел, — тихо сказала Элария.

И сама удивилась, как уверенно это прозвучало.

Селеста продолжила, будто читала список:

— Сегодня ты не пойдёшь на кухню.

— Сегодня ты не пойдёшь во двор.

— Сегодня ты не будешь “случайно” оказываться там, где тебя могут заметить люди, которых тебе не надо знать.

Элария подняла взгляд.

— А куда я пойду?

Селеста посмотрела на неё так, будто ответ был очевиден.

— В свою комнату, — сказала она. — В библиотеку. В гостиную. Туда, где тебя можно контролировать.

Отец медленно поставил чашку.

— Селеста, — сказал он спокойно. — Ей не десять.

Селеста повернула голову к нему.

— Ей и не восемнадцать, чтобы играть в самостоятельность на глазах у двора, — ответила она. — Мы живём не в сказке.

Мариэль шевельнулась, будто хотела сказать что-то, но не решилась.

Аделард наконец поднял голову от письма.

— Мама, — сказал он. В голосе его не было бунта — только факт. — Вчера было не её желание. Её позвал принц.

Селеста медленно вдохнула. Для неё фраза “её позвал принц” была не оправданием, а проблемой.

— Именно, — сказала она. — Поэтому сегодня мы будем тихими.

Элария почувствовала, как тот огонёк внутри дрогнул.

Быть видимой — это преступление, — говорила мать.

Быть видимой — это жизнь, — говорила королева.

Элария не знала, кому верить. Но знала, кого хочет слушать.

— Хорошо, — сказала она спокойно. — Я буду тихой.

Селеста расслабилась на долю секунды, решив, что победила.

Элария добавила:

— Настолько тихой, что вы даже не заметите, как я думаю.

Селеста замерла.

Отец резко вдохнул — не от злости, от тревоги: "не усугубляй".

Но Аделард вдруг усмехнулся — совсем чуть-чуть.

Селеста ничего не сказала. Она просто подняла руку — жест, от которого разговоры в доме обычно прекращались сами.

— Завтрак окончен, — сказала она.

Письмо из дворца принесли ближе к полудню.

Элария увидела его первой — не потому что её пустили в приёмную, а потому что Рина, проходя по коридору, на секунду остановилась у окна и шепнула:

— Леди… печать королевская.

— Спасибо, — сказала Элария тихо.

Рина дрогнула, словно ей дали не благодарность, а риск.

— Мне нельзя… — начала она.

— Ты ничего не сказала, — улыбнулась Элария. — Я просто… услышала тишину.

Рина не поняла, но кивнула и убежала.

Элария пошла в библиотеку. Не потому что послушалась мать. Потому что библиотека была единственным местом, где можно было думать без свидетелей.

Она открыла атлас, но взгляд не держался на линиях карт. Мысли возвращались к залу, к Лире, к Арвиду, к белым перчаткам в галерее.

К тому, как Лира сказала: “Сильные не всегда сияют.”

Элария повторила это про себя несколько раз, как молитву. Как вызов.

Дверь библиотеки открылась тихо.

— Ты прячешься? — спросил голос.

Элария подняла голову.

Аделард вошёл и закрыл дверь за собой. Он был в домашнем камзоле, без символов, без учителя за спиной. Он выглядел младше, чем обычно — не потому что изменился, а потому что на нём не было света, который всегда делал его “старшим”.

— Я читаю, — сказала Элария. — Это считается приличным способом прятаться.

Аделард подошёл ближе и сел напротив. Он положил письмо на стол.

— Это от лорда Марвена, — сказал он. — Он приглашает меня… на совместные тренировки у них. И между строк…

— он слегка поморщился, — …на знакомство с его дочерью.

Элария приподняла бровь.

— О, сватовство. Как романтично.

Аделард фыркнул.

— Очень.

Он посмотрел на Элярию долго.

— Ты вчера… — начал он и замолчал.

Элария не помогла ему. Пусть учится говорить словами, а не печатями.

Аделард выдохнул.

— Ты держалась, — сказал он наконец. — Я видел.

Элария неожиданно почувствовала, как внутри становится мягче.

От Аделарда она никогда не ждала признания. Он был не жестоким — просто отсутствующим, как солнце в комнате без окон: оно не виновато, что тебя не греет.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Я старалась не уронить фамилию.

— Ты старалась не уронить себя, — поправил Аделард.

Элария замерла.

— Ты так думаешь?

Аделард чуть отвёл взгляд.

— Я… — он поискал слово, — я привык, что всё вокруг меня — ожидание. От меня ждут. Света. Выдержки. Улыбки. И я… — он сжал пальцы, — я умею это. Я родился с этим.

Он посмотрел на неё.

— Ты родилась без этого. И всё равно стоишь. Это… странно.

Элария усмехнулась.

— “Странно” — твой способ сказать “уважаю”?

Аделард неожиданно улыбнулся.

— Возможно.

Элария наклонилась вперёд.

— Тогда скажи мне честно, Адел. Тебе… стыдно за меня?

В библиотеке стало так тихо, что можно было услышать, как где-то в коридоре шуршит платье горничной.

Аделард медленно покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Мне… неловко. Потому что я не знаю, что с тобой делать.

Элария моргнула.

— Делать?

— Да, — Аделард сжал губы. — С тобой нельзя “решить”, как решают проблему. С тобой нельзя “исправить”, как исправляют ошибку. Ты… — он замолчал и добавил тише: — …живая.

Элария почувствовала, как у неё сжимается горло.

Она отвела взгляд на карту Океана Эхо.

— Это комплимент?

— Это правда, — сказал Аделард. — И маме от этого страшно.

Элария усмехнулась горько.

— Маме страшно от всего, что не укладывается в порядок.

Аделард кивнул.

— Я пришёл сказать тебе ещё кое-что, — сказал он и достал из внутреннего кармана маленький предмет.

На стол легла тонкая гладкая пластина. В её середине мерцал небольшой световой кристалл. Маленький. Дорогой.

Элария нахмурилась.

— Это что?

— Не руна, — сразу сказал Аделард, будто заранее услышал бы её насмешку.

— Кристалл. В нём заключено небольшое успокаивающее заклятие.

Элария смотрела на него.

— Ты хочешь, чтобы я… пользовалась магией? — спросила она осторожно.

— Нет, — быстро сказал Аделард. — Ты не можешь. Но… — он замялся, потом сказал честно: — Иногда мамин порядок давит сильнее, чем должен. Это… — он кивнул на кристалл, — может помочь тебе дышать. Просто держи в ладони, когда… когда будет тяжело.

Элария смотрела на кристалл, как на странный подарок: брат впервые предложил ей не “исправиться”, а выжить.

Она взяла пластину. Она была тёплая — от его пальцев. Внутри мягко мерцала линия.

— Спасибо, — сказала Элария. — Это… неожиданно по-человечески.

Аделард усмехнулся.

— Не привыкай. Я всё ещё старший.

— Тогда не делай это слишком часто, — сказала Элария. — А то я начну любить тебя.

Он фыркнул, но улыбка осталась.

— Ещё одно, — сказал Аделард, вставая. — Мама сегодня будет разговаривать с посланником. И она… — он поморщился, — будет говорить про тебя.

Элария напряглась.

— Как?

Аделард посмотрел на неё серьёзно.

— Как про риск, — сказал он. — Не потому что ты плохая. А потому что ты заметная. Вчера тебя заметили королевские глаза. А мама… мама боится внимания сильнее позора.

Элария сжала кристалл.

— Я не хочу, чтобы она говорила обо мне как о вещи.

Аделард кивнул.

— Тогда будь осторожнее. И… — он задержался у двери, — если ты снова пойдёшь смотреть тренировки стражи — делай это не на глазах у матери.

Элария подняла бровь.

— Ты мне разрешаешь?

Аделард сделал вид, что возмущён.

— Я не разрешаю. Я просто… не докладываю.

И вышел.

Элария осталась одна, с маленьким кристаллом в ладони.

Он не давал ей дара.

Но давал странное ощущение: меня не считают только проблемой.

Вечером Элария нашла Мариэль в своей комнате.

Сестра сидела на ковре и раскладывала ленточки — те самые, что вчера были на её запястьях. Она явно хотела сохранить бал как сокровище.

— Ты здесь! — Мариэль подняла голову. — Эли, ты правда держала руку Эдрика! Он потом всем сказал, что ты "прикольная"! Это слово нельзя говорить при маме, но оно очень хорошее!

Элария рассмеялась.

— Прикольная, значит?

Мариэль кивнула так серьёзно, будто речь шла о титуле.

— А королева Лира… она правда улыбнулась тебе? — Мариэль шептала, как будто улыбка королевы — тайна.

Элария села рядом на ковёр.

— Да, — сказала она. — Она… другая.

— Она красивая? — спросила Мариэль.

Элария задумалась.

— Да, — сказала она наконец. — Но не платьем. Она… держит себя. Как будто её не ломают.

Мариэль нахмурилась.

— А тебя ломают?

Элария посмотрела на сестру и вдруг поняла, что дети задают самые страшные вопросы без злости.

— Иногда, — сказала она честно. — Но я учусь держать-

ся.

Мариэль подползла ближе и обняла её.

— Я не хочу, чтобы тебя ломали, — прошептала она.

Элария обняла её в ответ.

— Тогда не становись такой, как они, — сказала она тихо. — Стань такой, как ты.

Мариэль отстранилась и засияла.

— Я стану королевой! — заявила она.

Элария улыбнулась.

— Тогда тебе придётся научиться говорить “нет” так, чтобы никто не спорил.

— Я уже умею! — гордо сказала Мариэль и добавила шёпотом: — Я сказала маме “нет”, когда она хотела, чтобы я легла спать. Правда, потом всё равно легла.

Элария рассмеялась так искренне, что даже стены комнаты стали менее строгими.

И в этот момент в дверь постучали.

Не громко. Аккуратно. Но стук был таким, что сразу стало ясно: это не Рина и не отец.

Селеста вошла без ожидания ответа.

Она посмотрела на них — на Эларию и Мариэль на ковре — и на секунду в её глазах мелькнуло раздражение: “не по-правильному”.

— Мариэль, — сказала Селеста. — Иди. Тебе пора готовиться ко сну.

— Но ещё рано, — пискнула Мариэль.

Селеста посмотрела на неё.

Мариэль вскочила.

— Уже иду, — быстро сказала она и, проходя мимо Элария, незаметно сжала ей пальцы. Как секретное обещание.

Когда дверь закрылась, Селеста осталась с Эларией наедине.

Элария выпрямилась.

— Мама.

Селеста подошла ближе. Её голос был спокойным, но в нём слышалась сталь.

— Посланник дворца был, — сказала она.

Элария напряглась.

— И?

— И он выразил благодарность, — сказала Селеста. — Очень вежливо. Очень официально.

Элария выдохнула.

— Это хорошо.

Селеста посмотрела на неё так, будто Элария сказала наивность.

— Это опасно, — сказала Селеста. — Потому что теперь тебя помнят.

Элария не выдержала и улыбнулась.

— А разве это плохо?

Селеста наклонилась чуть ближе.

— Для тех, кто сияет, память — трофей, — сказала она тихо. — Для тех, кто не сияет… память — повод.

Элария почувствовала, как её огонёк внутри снова дрогнул, но не погас. Он стал ровнее. Как решимость.

— Я не хочу быть поводом для вашего страха, — сказала Элария.

— Ты не выбираешь, чем ты являешься для других, — ответила Селеста. — Ты выбираешь только то, как ты ведёшь себя.

Элария смотрела на мать и вдруг ясно увидела: Селеста говорит не о ненависти. Она говорит о контроле. И этот контроль важнее любви.

— Тогда я выберу вести себя так, чтобы мне не было стыдно, — сказала Элария.

Селеста замерла на секунду.

— Стыд — роскошь, — сказала она, почти теми же словами, что раньше. — Мы живём в правилах.

Элария подняла подбородок.

— А я живу в себе, — сказала она.

Селеста смотрела на неё долго. Потом медленно выдохнула.

— Ты слишком похожа на отца, — сказала она тихо.

И ушла.

Элария осталась одна в комнате. Она не плакала. Она просто стояла, слушая, как дом снова собирается в свой привычный порядок — ковры, шаги, шёпоты.

В кармане холодил ладонь маленький кристалл Аделарда. Он не давал ей дара. Но давал странное ощущение: кто-то в

этом доме впервые увидел в ней не проблему, а человека.

Элария закрыла глаза и выдохнула.

Сегодня она не будет удобной.

Хотя бы в мыслях.

Глава 6: Уроки несияющих

Утро в поместье снова стало привычным.

Световая печать над площадкой звенела ровно, как всегда. Слуги двигались по коридорам с той же выученной плавностью. Селеста говорила с тем же спокойствием человека, который никогда не признает, что устал.

Но Элария изменилась.

Не внешне. Внешне она была всё той же — аккуратная коса, ровная осанка, вежливая улыбка.

Изменилось внутреннее: она начала замечать, как много в доме держится не на магии, а на людях.

На тех, кто не сияет.

После завтрака Селеста ушла "по делам дома", Аделард — на занятия с Орленом, Мариэль — к няне. Отец задержался у окна, смотрел во двор и делал вид, что считает облака. Элария поняла этот взгляд: отец искал повод не вмешиваться, чтобы не обострять. Он защищал её по-своему — мягко, обходя острые углы. Иногда Эларии хотелось, чтобы он защищал иначе. Но она любила его именно таким: добрым.

Она дождалась момента, когда коридор опустеет, и пошла не в библиотеку, куда её "следовало" отправить, а туда, куда её "не следовало" видеть.

На кухню.

Там, за дверью, мир не был идеальным. Там был настоя-

щий.

— Леди Элария, — Брина заметила её ещё до того, как Элария вошла. Кухарка будто чувствовала приближение нарушителей порядка по запаху. — Опять вы?

— Опять я, — сказала Элария, уже улыбаясь. — Я пришла убедиться, что дом ещё не рухнул без моего присутствия.

— Дом не рушится от присутствия, — буркнула Брина, мешая что-то в котле. — Он рушится от разговоров.

— Тогда мне повезло, — сказала Элария. — Я люблю разговоры. Особенно те, где меня не оценивают как… витрину.

Слово прозвучало почти небрежно, но несколько кухонных взглядов сразу поднялись на неё внимательнее.

Рина была у стола и чистила морковь. Увидев Эларию, она чуть улыбнулась — быстро, скрытно, как будто улыбка была запрещённым заклинанием.

— Я помогу, — сказала Элария и взяла нож.

— Руки себе не отрежьте, — автоматически сказала Брина, но голос у неё уже был не резкий. — А то мне и правда голову снимут.

— Всем снимут, — философски сказала Элария. — Это тут, кажется, обычная валюта.

Кто-то фыркнул. Кто-то тихо засмеялся.

На кухне смех был коротким, но живым: его не держали на поводке.

Элария чистила овощи и слушала, как течёт жизнь.

— …говорят, королева позавчера была спокойная, — ска-

зала одна служанка, нарезая зелень. — Даже когда принц бегал, как кошка по рынку.

— Королева всегда спокойная, — отозвалась Брина. — Её спокойствие — как камень. Он не потому камень, что жёсткий. А потому, что держит.

— А муж её, говорят, добрый, — вставила Рина, не поднимая головы. — Терен Гален.

Элария невольно улыбнулась.

— Он… живой, — сказала она. — Не как многие там.

Брина посмотрела на неё внимательно.

— Вам понравилось во дворце? — спросила она без насмешки.

Элария задумалась.

— Мне понравилось увидеть, что власть может быть… не холодной, — сказала она осторожно. — И мне не понравилось всё остальное.

Брина хмыкнула.

— Бал — это когда богатые едят сладкое и называют это судьбой, — сказала она. — А мы потом моем их тарелки.

Элария чуть приподняла бровь.

— Грубовато.

— Зато честно, — ответила Брина. — Вам, леди, честность полезнее сладостей.

Элария кивнула, и ей вдруг стало очень тепло к этой женщине, которая могла назвать вещи своими именами без дара и короны.

— Брина, — сказала она тихо. — А вы… вас не злит всё это?

Брина замерла на мгновение, затем продолжила мешать котёл, но уже медленнее.

— Злит, — сказала она. — Но злость не кормит. А работа — кормит. И иногда… — она посмотрела на Эларию, — иногда злость можно превратить в ум. Вы не злитесь. Вы думаете. Это опаснее.

Элария улыбнулась — слегка.

— Спасибо. Наверное.

Рина вдруг наклонилась к ней и прошептала:

— Леди… вы позавчера танцевали с принцем. Про это уже говорят.

— Пусть, — сказала Элария так же тихо. — Пусть хоть раз говорят не о том, чего во мне нет.

Рина прикусила губу.

— Они всё равно… — начала она.

— Я знаю, — мягко сказала Элария. — Но я учусь, Рина. Как вы учитесь каждый день.

Рина посмотрела на неё почти благодарно.

Элария поняла: на кухне люди не сияют. Но они держат дом. И держат себя.

И это было похоже на силу.

Во двор она вышла чуть позже, когда в доме снова все занялись “правильными” делами.

Она не пошла к парадной площадке. Там был Орлен. Там

был Аделард. Там был световой купол, звенящий как напоминание: ты не из этого.

Она пошла туда, где тренировались стражники.

Харон увидел её первым и мгновенно стал серьёзным, хотя в глазах мелькнуло понимание: опять пришла.

— Леди, — сказал он ровно. — Если леди Селеста…

— Сегодня она не видит, — тихо сказала Элария. — Сегодня она занята тем, чтобы дом выглядел достойно даже когда никто не смотрит.

Тирс, стоявший рядом, фыркнул:

— Это она умеет.

Элария улыбнулась.

— Я пришла не мешать, — сказала она. — Я пришла… учиться.

Харон посмотрел на неё внимательно.

— Леди, меч — это не бал, — сказал он. — Тут нельзя улыбаться так, чтобы скрыть страх.

Элария подняла подбородок.

— Я не хочу скрывать, — сказала она. — Я хочу понимать.

Харон помолчал.

Потом кивнул в сторону деревянных клинков.

— Один раз, — сказал он. — И только стойка.

Элария взяла деревянный клинок. Он был грубый, простая древесина, без красоты — и от этого казался честнее любого украшения.

— Ноги шире, — сказал Харон. — Колени мягко. Не стой

на прямых, ты не колонна.

Элария послушно поставила ноги, как он показал.

— Плечи вниз, — продолжил Харон. — Ты зажимаешься.

Элария попыталась расслабиться. Получилось плохо.

Тирс хмыкнул:

— Леди, вы держите меч так, будто он кусается.

— Он может, — сказала Элария. — Я просто пока не знаю, где.

Тирс не выдержал и улыбнулся.

Харон не улыбался, но в голосе его появилась чуть меньшая сухость.

— Смотри на мою руку, — сказал он. — Не на клинок. Клинок — продолжение. Движение начинается в теле.

Он поднял свой деревянный меч и показал простой шаг вперёд — без удара, без красоты, просто правильное перемещение веса.

Элария повторила.

Сначала неловко.

Потом чуть лучше.

Она повторила ещё раз. И вдруг почувствовала: движение может быть правильным даже без магии. Даже без дара. Просто потому, что тело — тоже инструмент.

Её сердце ускорилось.

Не от страха.

От радости.

Она сделала шаг ещё раз — и на этот раз клинок не “бол-

тался”, а шёл за ней, как мысль.

— Вот, — сказал Харон тихо. — Это уже похоже.

Элария подняла взгляд.

— На что?

— На человека, который не умрёт сразу, — ответил Харон. — Это уже много.

Элария рассмеялась — коротко, тихо.

— Тогда я хочу научиться не умирать подольше.

Харон посмотрел на неё серьёзно.

— Для этого нужно время, — сказал он. — И нужно молчание. Поняла?

Элария кивнула.

— Поняла.

Она знала: если Селеста узнает — это закончится быстро и плохо.

Но впервые за долгое время Элария чувствовала, что у неё есть что-то своё. Маленькое. Скрытое. Настоящее.

И это “своё” начиналось не с побега и не с великой тайны.

Оно начиналось с деревянного клинка, мозолей и дыхания.

С уроков не сияющих.

Глава 7: Слухи и линии

Слухи в поместье Вейноров не бегали.

Они ходили.

Не торопясь, по коридорам, как слуга с подносом: аккуратно, уверенно, так, чтобы никто не мог сказать, что он их распространяет. Слухи не нуждались в ногах — у них были двери, щели и человеческая любовь к чужим судьбам.

Элария поняла, что слухи дошли до "правильного" уровня, когда заметила: слуги перестали смотреть на неё одинаково.

Раньше взгляд был один: привычный, осторожный, с оттенком жалости или раздражения.

Теперь появились два.

Одни смотрели на неё так, будто она стала опаснее.

Другие — так, будто она стала… интереснее.

Интерес — самый дешёвый и самый острый нож.

Утром, проходя по галерее, Элария поймала обрывок разговора двух молодых дворянских гостей, которых Селеста пригласила "на чай", чтобы показать, что дом Вейнор не изолирован и не ослаб.

— …это была она, — говорила девушка в светлом платье, тоненькая, как фарфор. — Я видела издалека. Она держала руку принца. Представляешь?

— Это было… странно, — ответил юноша, улыбаясь так,

будто обсуждал редкую породу лошадей. — Почему королева позволила?

— Потому что королеве всё равно, — сказала девушка с лёгкой завистью. — У королевы сила. Она может позволить себе… странности.

— Это не странность, — заметил юноша. — Это ход. Всё у королевы — ход.

Элария остановилась у колонны так, чтобы их не видеть, но слышать.

— Думаешь, она хочет показать… что даже без дара можно быть полезной? — спросила девушка.

Юноша хмыкнул.

— Королева не занимается благотворительностью на балах. Скорее… она проверяет. Кто выдержит внимание.

— А она выдержит? — девушка говорила уже тише. — Мне кажется, она… пустая.

Элария улыбнулась.

“Пустая.”

Слово было знакомым, как старый шрам. Оно не резало, потому что давно стало частью кожи. Но раздражало тем, что люди произносили его с таким удовольствием, будто нашли истину.

Элария шагнула вперёд.

— Вы говорите обо мне? — спросила она легко, так, будто это был обычный светский вопрос о погоде.

Девушка вздрогнула и резко покраснела.

Юноша моргнул, но быстро собрал лицо в “вежливую маску”.

— Леди Элария, — произнёс он. — Мы… обсуждали бал.

— О, — сказала Элария. — Тогда вы, наверное, обсуждали и то, как принц на балу показал язык Арвиду.

Девушка не выдержала и хихикнула.

Юноша смутился.

— Это… не то, что принято обсуждать, — сказал он.

— Принято обсуждать только то, что удобно, — ответила Элария. — Например, мою пустоту.

Девушка побледнела.

— Леди, мы не… — начала она.

Элария подняла ладонь.

— Не оправдывайтесь, — сказала она. — Оправдания — это тоже часть игры. Просто запомните: если вы говорите о человеке как о вещи, человек может внезапно оказаться рядом.

Юноша сделал поклон — чуть слишком глубокий, чтобы показать: “я понял, я сдаюсь”.

— Примите извинения, леди.

Элария кивнула.

— Приму. Когда вы начнёте говорить не обо мне, а со мной.

Она прошла мимо, оставив их в тишине.

Сердце билось быстро. Не от страха. От злости и удовольствия одновременно. Это было новое чувство: она не про-

глотила. Она ответила — и мир не рухнул.

Пока.

Мир, конечно, не рушился мгновенно.

Он рушился медленно — в правильных местах.

Селеста позвала Эларию в малую гостиную ближе к полудню. Это было то самое помещение, где мать любила говорить “важное”: там стены были теплее, мебель мягче, а значит, в глазах внешнего мира разговор выглядел заботой.

Селеста сидела у окна, и свет падал на неё так, будто сама архитектура дома выбирала её сторону.

— Сядь, — сказала она.

Элария села.

— Я слышала, ты сегодня говорила с гостями, — сказала Селеста.

— Я отвечала, — поправила Элария.

Селеста посмотрела на неё спокойно.

— Ты отвечала слишком остро, — сказала она. — Это создаёт впечатление, что тебе… больно.

Элария усмехнулась.

— Мне не больно. Мне скучно.

Селеста не улыбнулась.

— Скука — это тоже слабость, — сказала она. — Скука заставляет делать глупости.

Элария наклонила голову.

— Например, держать принца за руку?

Селеста замерла на секунду. Имя принца всё ещё звенело

в доме как опасная стеклянная вещь.

— Например, позволять себе быть заметной, — сказала она, выбрав формулировку.

Элария посмотрела на мать внимательно.

— Мама, — сказала она спокойно. — Ты хочешь, чтобы я исчезла?

Селеста не отвела взгляд.

— Я хочу, чтобы ты не стала мишенью, — сказала она.

— Для кого? — спросила Элария.

Селеста чуть сжала пальцы.

— Для людей, которые думают, что всё можно использовать, — сказала она. — Для тех, кто видит в слабости возможность.

Элария вспомнила белые перчатки. Холодный взгляд, оценивающий не красоту, а стоимость.

— Ты знаешь о них? — спросила Элария.

Селеста на мгновение стала жёстче.

— Я знаю о типах, — сказала она. — В дворце полно типов. Улыбаются, кланяются, а потом продают.

Элария неожиданно почувствовала укол сочувствия. Не к себе — к матери. Потому что жить, постоянно ожидая продажи, — это тоже клетка.

Но сочувствие не отменяло злости.

— И твой способ защитить меня — сделать меня невидимой? — спросила Элария.

— Мой способ защитить дом — сохранить форму, — ска-

зала Селеста. — А твой… — она замолчала, и пауза снова стала приговором, — твой способ — нарушать.

Элария улыбнулась.

— Может быть, форма уже не подходит, — сказала она.

Селеста резко вдохнула.

— Ты не понимаешь, что такое форма, — сказала она тихо. — Форма держит нас в мире, где людей ломают за ошибку.

Элария посмотрела на мать и впервые произнесла почти шёпотом:

— Меня ломают не за ошибку, мама. Меня ломают за то, что я существую.

Селеста замолчала.

На секунду в её взгляде было что-то… человеческое. Почти боль.

Потом она закрыла это, как закрывают окно.

— Ты будешь осторожнее, — сказала она. — Ты будешь меньше говорить. И ты перестанешь ходить туда, куда не положено.

Элария не моргнула.

— Ты про кухню? — спросила она.

Селеста посмотрела на неё.

— Я про всё, — сказала она. — Ты — леди. Твоя жизнь должна быть в рамках.

Элария поднялась.

— Тогда, мама, — сказала она мягко, почти ласково, —

ты построила мне дом, но не построила мне жизнь.

Селеста резко поднялась тоже.

— Я строю тебе будущее! — впервые в её голосе прозвучала эмоция.

Элария остановилась у двери.

— Будущее без меня, — сказала она тихо.

И вышла.

В коридоре её руки дрожали. Не от страха. От того, что она впервые увидела в матери не только холод, но и отчаяние.

И это было страшнее.

Она вышла из малой гостиной и несколько секунд стояла в коридоре, будто стены давили на плечи.

Злость гудела в крови, как звук натянутой струны — ещё чуть, и лопнет. Элария знала себя: если она сейчас останется одна, то начнёт спорить с пустотой, а потом с кем-нибудь живым. А это закончится плохо — для неё, для отца, для Мариэль.

Ей нужно было место, где можно говорить не так, как "положено". Место, где даже если ты ошибёшься — тебя не разрежут улыбкой.

Ноги сами принесли её в детскую.

Там пахло воском, лавандой и старой бумагой. Запах детства — единственный запах в доме, который не пытался быть идеальным.

Мариэль сидела на ковре, поджав ноги, и держала на ко-

ленях толстую книгу с потёртым переплётом. Она была настолько увлечена, что не сразу заметила Эларию.

На обложке было вытиснено: «Путеводитель юного картографа по Аэтерне».

Элария остановилась в дверях и вдруг почувствовала: внутри стало тише. Не “молчание” — а спокойствие. Такое бывает, когда рядом с тобой кто-то живёт просто так, без роли.

— Эли! — Мариэль подняла голову так быстро, что искры света дрогнули у её пальцев. — Я дошла до главы про море! Представляешь? Про настоящее море!

— Можно к тебе? — спросила Элария тихо.

— Конечно! — Мариэль сразу подвинулась, освобождая место, будто Элария была частью её мира по умолчанию, а не “проблемой дома”. — Смотри, смотри! Вот тут нарисовано, как выглядит порт Неваль!

Она раскрыла книгу, и Элария увидела рисунок: кривоватые крыши, мачты, лес верёвок, чайки, которые получились у художника странными — больше похожими на белые запятые в небе. Но именно в этой неловкости было что-то настоящее. Как будто кто-то рисовал не ради красоты, а чтобы запомнить.

— “Неваль — город ветра и соли”, — прочитала Мариэль вслух. — “Где у людей волосы пахнут морем даже зимой”.

Мариэль подняла на Эларию глаза.

— Соль правда в воздухе? — спросила она шёпотом, как

будто соль — это магия.

Элария улыбнулась.

— Я не знаю, — призналась она честно. — Но… я представляю. И представляю так часто, что иногда мне кажется: я уже там была. Только без тела.

Мариэль нахмурилась.

— Это грустно.

— Это… голодно, — сказала Элария, подбирая слово. — Как будто ты смотришь на пирог через стекло.

Мариэль возмущённо фыркнула:

— Тогда надо разбить стекло!

Элария рассмеялась — тихо, но по-настоящему.

— Осторожнее, — сказала она. — В этом доме стекло дорогое.

Мариэль отмахнулась и перелистнула страницу.

— А вот! — она ткнула пальцем в рисунок карты. — Океан Эхо. Тут написано, что ночью он шумит так, будто повторяет голоса.

Элария провела пальцем по линии берега.

— Повторяет, — сказала она, как будто это знание было в ней всегда. — Потому что вода всё помнит.

Мариэль раскрыла рот.

— И он повторяет… если ты сказала секрет?

Элария взглянула на сестру.

— Ты сказала секрет океану? — спросила она.

Мариэль покраснела.

— Я сказала… что хочу увидеть мир. А мама сказала “не мечтай громко”. Вот я и сказала тихо. Океану. В книге.

Элария почувствовала, как внутри щёлкнуло что-то тёплое и больное одновременно.

— Знаешь, — сказала она мягко, — океан — хороший слушатель. Он не перебивает. В отличие от людей.

Мариэль кивнула с такой серьёзностью, будто это важнейшая истина.

Она перелистнула ещё.

— Здесь про трактиры! — Мариэль радостно зашептала, читая сама: — “В трактирах пахнет дымом, хлебом и мокрыми плащами. Там не спрашивают, кто ты по гербу. Там спрашивают, есть ли у тебя монета и можешь ли ты не быть глупой”.

Элария усмехнулась.

— О, это жёсткая книга для детей.

— Это честная книга, — возразила Мариэль. — Мне нравится.

Элария взяла книгу и начала читать вслух, потому что Мариэль любила, когда Элария читает — у неё тогда голос становился другим, как будто в нём появлялась дорога.

— “Дорога учит людей говорить проще, потому что завтра они могут не встретиться”, — прочитала Элария. — “Поэтому на дороге чаще говорят правду. И чаще смеются”.

Мариэль слушала, раскрыв рот.

— Они смеются… не потому что надо? — спросила она

тихо.

Элария посмотрела на сестру.

— Потому что хочется, — сказала она. — Представляешь? Не “положено”, а “хочется”.

Мариэль будто попробовала слово на вкус.

— Хочется… — повторила она и вдруг добавила серьёзно: — Я хочу, чтобы ты так смеялась всегда.

Элария молча погладила её по волосам.

— Иногда сложно, — сказала она. — Но я учусь.

Мариэль снова перевернула страницу.

— А вот… Зиф, — прошептала она. — Тут написано, что в Зифе “улицы ровные, как линии на чертеже”.

Элария наклонилась.

— “Город, где магию считают ремеслом”, — прочитала она. — “И где люди спорят не словами, а доказательствами.”

Мариэль нахмурилась.

— Там скучно?

Элария задумалась.

— Может быть, — сказала она честно. — Но знаешь… иногда скука — это тоже свобода. Когда тебе не приходится притворяться.

Мариэль понизила голос:

— А мама бы там понравилась?

Элария рассмеялась тихо.

— Мама бы захотела стать там королевой за один день, — сказала она. — И у неё бы почти получилось.

Мариэль захихикала, а потом вдруг посерьёзнела.

— Эли… — она прижала книгу к груди. — А бал… во дворце… это было как мир?

Элария замерла.

Слова «бал» и «мир» рядом звучали странно. Бал был не миром — бал был клеткой, только украшенной музыкой. Но бал был первым местом, где Элария ощутила: есть жизнь за пределами её дома.

— Это было… окно, — сказала Элария наконец. — Маленькое. В грязном стекле. Но я увидела, что за ним есть воздух.

Мариэль засияла глазами.

— И королева Лира — это воздух?

Элария улыбнулась.

— Королева Лира — это человек, который держит воздух, чтобы он не стал ядом, — сказала она. — Она сильная не потому, что все её боятся. А потому, что она не ломает людей просто так.

Мариэль задумалась, потом прошептала:

— Я хочу быть как она.

Элария посмотрела на сестру.

— Тогда учись видеть людей, — сказала она. — Не их сияние.

Мариэль кивнула и неожиданно спросила:

— А почему тебя избегали на балу? Ты же нормальная. Ты смешная. Ты добрая. Ты… настоящая.

Элария почувствовала, как внутри снова поднимается та старая боль, но теперь она была не острой — больше похожей на воспоминание о боли.

— Потому что они боятся, — сказала Элария честно. — Люди боятся того, что не могут измерить. А у меня… — она замялась, — …у меня нет того, что они считают мерой.

Мариэль нахмурилась.

— Но если у тебя нет дара, это же не значит, что у тебя нет… тебя.

Элария замерла.

— Именно, — сказала она тихо. — Ты только что сказала это лучше, чем все взрослые в этом доме.

Мариэль вдруг улыбнулась и подняла ладонь.

— Тогда вот! — она вспыхнула искрами, но сразу сама себя одёрнула и сделала вдох, как учила няня. Искры стали мягче и ровнее. — Я буду светить, если ты захочешь. А если не захочешь — я не буду. Потому что это твой выбор.

Элария почувствовала, как глаза щиплет.

— Ты знаешь, что ты сейчас сделала? — спросила она.

— Что? — испугалась Мариэль.

— Ты была сильной, — сказала Элария. — По-настоящему. Не искрой.

Мариэль замерла, потом прошептала:

— Тогда… мы поедем в Неваль? Когда-нибудь?

Элария не стала говорить “да” слишком быстро. Обещания — это не игрушки. Но она посмотрела на сестру и поня-

ла: обещание может стать якорем, который удержит обеих.

— Когда-нибудь, — сказала она мягко. — Мы увидим море. И я расскажу тебе про него так, что ты почувствуешь соль на губах.

Мариэль схватила её за руку, крепко.

— Обещаешь “всё-всё”?

Элария улыбнулась.

— Обещаю, — сказала она. — Всё-всё.

Мариэль прижалась плечом к её плечу и прошептала:

— Тогда я не боюсь.

Элария обняла её.

— Я тоже, — сказала она тихо. И это было почти правдой.

Глава 8: Правильная дочь

У Селесты было особое искусство: превращать заботу в клетку так, чтобы клетка выглядела подарком.

На следующее утро Эларию разбудили не звон световой печати во дворе и не шум кухни, а лёгкий стук в дверь — мягкий, воспитанный.

— Леди Элария, — голос Рины звучал осторожно. — Леди Селеста просит вас… в малую гостиную. Сейчас.

“Сейчас” у Селесты означало: немедленно, но без паники. Паника — для слабых.

— Спасибо, Рина, — сказала Элария, уже выбираясь из постели.

Рина замялась.

— Леди… — начала она и замолчала.

Элария посмотрела на неё в щель двери.

— Что?

Рина быстро опустила взгляд.

— Она… не в настроении, — прошептала Рина.

Элария усмехнулась.

— Это вообще существует — “в настроении”?

Рина не улыбнулась. Она лишь чуть сильнее сжала пальцы на подносе, словно держала не чашку, а секрет.

Элария закрыла дверь и стала одеваться.

Она выбрала простое платье — достаточно скромное, что-

бы не раздражать мать лишней “самодеятельностью”, и достаточно аккуратное, чтобы не выглядеть провокацией. Волосы заплела быстро, но не так туго, как любила Селеста. В этом была маленькая свобода: прядь у виска всё равно выбилась.

Элария не поправила её.

Пусть будет.

Малая гостиная была залита утренним светом. Селеста сидела у окна с папкой бумаг. Не книг. Именно бумаг — списки, расписания, приглашения, обязательства. Мать редко читала ради удовольствия. Она читала ради контроля.

Отец стоял у камина и делал вид, что рассматривает пейзаж на картине. Элария сразу поняла: он здесь как амортизатор. Чтобы не ударило слишком сильно.

— Сядь, — сказала Селеста, не поднимая головы.

Элария села.

Селеста раскрыла папку и достала лист.

— С этого дня, — произнесла она ровно, — у тебя будет расписание.

Элария моргнула.

— У меня всегда было расписание.

— Нет, — сказала Селеста. — У тебя были занятия. А это — порядок.

Отец едва заметно вздохнул.

Селеста продолжила, будто читала закон:

— Утром — этикет и речь.

— После обеда — музыка или каллиграфия.

— Вечером — чтение в присутствии.

— Никаких прогулок без сопровождения.

— Никаких “самовольных визитов” на кухню.

— Никаких… — она сделала паузу, и Элария уже знала, что услышит, — …площадок стражи.

Элария подняла взгляд.

— Ты следила.

Селеста наконец подняла глаза.

— Я управляла рисками, — сказала она. — После дворца ты стала заметнее. А заметность нужно упаковать.

Элария усмехнулась.

— Я не товар.

Селеста чуть наклонила голову.

— Все — товар, Элария, — сказала она тихо. — Просто кто-то дороже, а кто-то дешевле.

Отец резко повернулся.

— Селеста.

Селеста не посмотрела на него.

— Мы живём в мире, где людей покупают улыбками, браками, обещаниями и… — она сделала короткую паузу, — … страхом. Я не позволю, чтобы мою дочь покупали.

Элария почувствовала, как внутри дрогнуло что-то странное: злость и понимание одновременно.

— Ты не позволишь, — сказала она. — Поэтому запираешь меня сама.

Селеста выдержала взгляд.

— Я не запираю. Я направляю.

— Это одно и то же, — сказала Элария.

Селеста положила лист на стол и сложила руки.

— Ты хочешь свободы? — спросила она.

Элария не ответила сразу.

— Я хочу быть собой, — сказала она наконец.

Селеста кивнула, будто услышала “хочу быть проблемой”.

— Быть собой можно по-разному, — сказала она. — Ты можешь быть собой в рамках. И это будет безопасно.

Элария рассмеялась — коротко, без радости.

— “Безопасно” — это твой любимый бог.

Селеста на секунду прищурилась.

— Не произноси слово “бог” легкомысленно, — сказала она. — Это не шутка.

Элария подняла бровь.

— А что, у нас теперь религиозный дом?

— У нас дом, который пережил слишком многое, чтобы шутить, — сказала Селеста. И добавила тише: — Я пережила слишком многое.

Отец опустил голову. Элария увидела в его жесте не слабость, а усталость.

— И ещё, — сказала Селеста. — К нам начнут чаще приходить гости. Ты будешь присутствовать. Но ты будешь… корректной.

Элария наклонила голову.

— То есть “удобной”.

— То есть не дающей повода, — сказала Селеста.

Элария посмотрела на отца. Отец смотрел в камин, как будто пламя могло подсказать правильные слова.

Элария поняла: сейчас она не выиграет спор. В открытом бою мать сильнее. Не магией — властью, которую ей давало положение в доме.

Но Элария уже училась другому.

Она улыбнулась ровно и сказала:

— Хорошо, мама. Я буду “правильной”.

Селеста слегка расслабилась, как человек, который услышал капитуляцию.

Элария добавила, так же ровно:

— Снаружи.

Селеста замерла.

— Что?

— Снаружи, — повторила Элария спокойно. — Я буду правильной. А внутри… — она чуть пожала плечами, — … я всё равно буду думать.

Селеста смотрела на неё долго.

Потом сказала тихо:

— Думай. Но помни: мысль тоже может быть заметной. Если ты её покажешь.

Элария встала.

— Тогда я научусь не показывать, — сказала она.

Селеста не ответила. Отец посмотрел на Эларию с трево-

гой и гордостью одновременно.

Элария вышла.

Коридор встретил её привычной тишиной. Но теперь тишина не казалась ей пустотой. Она казалась пространством для планов.

Она прошла по коридору несколько шагов, стараясь держать лицо ровным. Стены были светлые, ковры мягкие, воздух пах полированным деревом — и всё это внушало одно и то же: не сопротивляйся, здесь так принято.

— Эли.

Она остановилась.

Аделард стоял в тени арки у лестницы. Без магистра Орлена, без тренировочного плаща, без той уверенной "правильности", с которой он обычно появлялся в доме. Сейчас он выглядел просто человеком, которому тоже надоело быть гербом на ногах.

— Ты не на занятиях? — спросила Элария, чуть приподняв бровь.

— Я сказал Орлену, что мне нужно… переварить материал, — Аделард поморщился. — Он решил, что это значит "почитать трактат".

Элария усмехнулась.

— А ты решил, что это значит "сбежать".

— Я решил, что это значит "подышать", — тихо ответил он.

Он подошёл ближе и на секунду замялся, будто искал пра-

вильную дистанцию.

— Мама усилила контроль? — спросил он.

— “Усилила” — красивое слово, — сказала Элария. — Она решила упаковать меня в расписание, как фарфор в солому.

Аделард кивнул.

— Я видел папку, — сказал он. — Она не спала полночи.

Элария моргнула.

— Ты за ней следил?

— Я… выходил за водой, — ответил он слишком быстро. — Случайно.

Элария посмотрела на него внимательнее.

— И ты пришёл сказать мне “терпи”?

Аделард резко качнул головой.

— Нет.

Слово прозвучало так, будто он сам устал от “терпи”.

— Я пришёл, потому что ты не одна в этой конструкции, — сказал он.

Элария усмехнулась.

— Ты — наследник. Тебе не понять.

Аделард поднял глаза.

— Ты думаешь, наследник — это привилегия?

Элария не ответила.

Аделард продолжил, и в его голосе впервые появилось раздражение — не на неё, на роль:

— Меня тоже упаковывают. Просто в другой короб.

— Мне нельзя ошибаться.

— Мне нельзя быть обычным.

— Мне нельзя сказать: “я не хочу”.

Элария почувствовала, как её злость чуть отступает.

— Ты можешь хотя бы сиять, — сказала она тихо.

Аделард горько усмехнулся.

— Иногда мне кажется, что сияние — это поводок, который просто красивее твоего.

Элария замерла.

— Ты серьёзно?

— Да, — сказал Аделард. — Если я устаю — это слабость. Если я сомневаюсь — это опасно. Если я хочу тишины — это “не по статусу”.

Он сделал паузу, будто решался на то, что никогда не говорил вслух.

— И самое отвратительное… мне иногда хочется завидовать тебе.

Элария уставилась на него.

— Мне?

Аделард кивнул.

— Тебе разрешено быть живой. Смешной. Странной. Ты можешь сказать глупость и не разрушить дом.

А я не могу. Потому что любой мой шаг — пример. Даже когда я просто человек.

Элария медленно выдохнула.

— Но ты же… ты иногда смотришь на меня как на про-

блему.

Аделард опустил глаза.

— Я смотрел. Потому что так было проще. Если считать тебя проблемой, мне не нужно признавать, что проблема — рамка.

Он поднял взгляд.

— Прости, Эли.

Слова прозвучали просто. И от этого были тяжёлые.

Элария молчала секунду. Потом сказала:

— По-настоящему?

— По-настоящему, — кивнул он. — И это страшно.

Элария усмехнулась.

— Мне тоже.

Аделард на секунду улыбнулся — мягко.

— Вот поэтому мама тебя боится, — сказал он. — Не потому что ты плохая. А потому что ты не поддаёшься её порядку.

Элария вздохнула.

— И что ты предлагаешь?

Аделард посмотрел по сторонам и сказал тише:

— Я не могу воевать с ней открыто. Она сломает папу, а потом сломает тебя, и назовёт это защитой.

Но я могу помогать тебе оставаться собой.

Элария прищурилась.

— Как?

Аделард достал из кармана кожаную ленту.

— Ремешок для запястья, — сказал он. — Стражники используют такие, чтобы не срывать кожу на рукояти.

Я видел твою руку. После “каллиграфии”. У тебя мозоль не от пера.

Элария замерла.

— Ты заметил.

— Я не слепой, — сухо сказал Аделард. И добавил тише: — И я не скажу маме.

Элария взяла ремешок.

— Почему ты мне помогаешь?

Аделард посмотрел на неё спокойно.

— Потому что если ты исчезнешь внутри этой клетки, в доме останется только сияние, — сказал он. — А сияние без жизни — просто лампа.

Элария хмыкнула.

— Красиво говоришь.

— Я учусь у тебя, — признал Аделард. — И ещё… если я когда-нибудь сорвусь от этого бремени… мне нужно, чтобы в доме был кто-то, кто помнит, что мы люди.

Элария посмотрела на него долго.

Потом кивнула.

— Договоримся, наследник, — сказала она. — Ты не сдаёшь меня — я не превращаюсь в камень.

Аделард выдохнул, будто только сейчас понял, что держал дыхание.

— Договорились, — сказал он.

И уже уходя, добавил почти шёпотом:

— И, Эли… не думай, что мамина жёсткость значит, что ты хуже. Это значит, что она боится потерять контроль. А контроль — единственное, что у неё осталось.

Элария смотрела ему вслед.

И впервые за долгое время подумала: в этом доме не два лагеря. В этом доме просто слишком много людей, которым страшно.

День по расписанию оказался не таким мучительным, как она ожидала.

Он оказался опаснее.

Потому что в "правильных" уроках было много слов о том, как жить, не живя.

Учительница речи — леди Эстера — заставляла её повторять фразы с идеальной интонацией.

— "Ваше присутствие украшает зал", — произнесите мягче. Не так, будто вы удивлены, что зал вообще есть.

Элария повторила.

— "Я полностью согласна", — теперь без сарказма.

— Я полностью согласна, — сказала Элария так чисто, что сама себе не поверила.

Леди Эстера удовлетворённо кивнула.

— Прекрасно. Видите? Вы можете.

Элария улыбнулась.

— Да. Я могу.

Она могла говорить "правильные" слова. Она могла улы-

баться “правильно”. Она могла кланяться “правильно”.

Она могла быть тем, кем от неё хотят.

И именно это пугало её.

После уроков каллиграфии пальцы болели так, будто она держала меч — только меч был пером, а раны оставлял не металл, а смысл.

На листе перед ней красовались строки:

“Достоинство — в сдержанности.”

“Смирение — в молчании.”

“Честь — в повиновении.”

Элария посмотрела на эти слова и вдруг подумала: если бы меч мог резать буквы, она бы резала их с удовольствием.

Она аккуратно сложила лист и убрала его в папку, как будто уважает урок.

А потом, когда леди Эстера отвернулась, Элария на полях маленьким почерком написала:

“Жизнь — в движении.”

И впервые за день улыбнулась искренне.

Вечером, когда по расписанию ей “положено” было читать в присутствии, Элария сидела в гостиной с книгой на коленях.

Напротив, на другом диване, Селеста вышивала — её пальцы двигались так же точно, как её решения. Отец читал газету, но Элария видела: он не читает. Он слушает тишину между ними.

Элария читала вслух. Голос её был спокойный, ровный —

“правильный”.

Но мысли были не здесь.

Мысли были в дальнем дворе, где Харон говорил: “линии”.

В кухне, где Брина называла вещи своими именами.

В детской, где Мариэль мечтала о море.

Селеста подняла глаза.

— Ты читаешь хорошо, — сказала она. Это было почти похвалой.

Элария посмотрела на неё.

— Я учусь, — ответила она честно.

Селеста кивнула.

— Учись правильно, — сказала она.

Элария улыбнулась.

— Я учусь выживать, мама.

Селеста хотела что-то сказать, но остановилась.

Отец медленно сложил газету.

В комнате повисло молчание — не холодное, а напряжённое.

Потом дверь приоткрылась, и в щель заглянула Мариэль.

— Можно? — прошептала она, как будто боялась нарушить магию взрослых.

Селеста сразу стала мягче. Не заметно — но Элария увидела.

— На минуту, — сказала мать.

Мариэль подбежала к Эларии и сунула ей в ладонь ма-

ленький листок.

Элария развернула.

Там детским почерком было написано:

“МОРЕ БУДЕТ. Я ВЕРЮ.”

Элария сжала листок, спрятав улыбку в горле.

Селеста посмотрела на Мариэль.

— Спать, — сказала она.

Мариэль кивнула и убежала.

Элария снова подняла книгу и продолжила читать вслух.

Голос был “правильный”.

Но внутри, под рёбрами, было тепло.

И в этом тепле Элария впервые поняла: если мать строит ей клетку, значит ей придётся научиться жить так, чтобы даже в клетке оставалось пространство для шага.

А шаг — это уже движение.

И движение — это уже путь.

Глава 9: Тайные пять минут

Расписание матери было похоже на плотную ткань.

Её нельзя было порвать — слишком крепкое, слишком ровное, слишком “правильное”. Но в любой ткани есть швы. Места, где нитка проходит дважды. Где можно поддеть ногтем и вытянуть себе хоть пару сантиметров воздуха.

Элария не собиралась ломать расписание лоб в лоб.

Она собиралась жить между строк.

Первый шов она нашла утром.

По расписанию после урока речи у неё был час “для подготовки к музыке”. Леди Эстера произнесла это так, будто “подготовка” — священное слово, и только варвары могут тратить этот час на что-то другое, кроме настройки души под правильный тон.

Элария сделала вид, что идёт в музыкальную комнату.

Она прошла два коридора, повернула на третий, поднялась на пол-лестницы — и свернула туда, где обычно ходят только слуги, когда нужно быстро доставить чай и никто не должен видеть, что чай вообще доставляют.

Коридор был узкий, пах пылью и воском. Здесь не висели портреты предков. Здесь дом был просто домом: стены, которые держат тепло, потому что кто-то их моет.

Элария остановилась у неприметной дверцы кладовой, открыла её и быстро сняла туфельки.

Босиком было тише.

Потом — самое важное: она достала из кармана кожаный ремешок, который дал ей Аделард, и аккуратно обвязала запястье.

Не для красоты.

Для того, чтобы не оставлять следов.

Мозоли — это правда. Правда — это заметность. А заметность — то, что мать теперь пыталась убрать.

Элария вдохнула, заставила себя идти не торопясь — и спустилась к дальнему двору.

Харон ждал её там, где не было окон парадных залов и где даже свет казался честнее. Тренировочная площадка стражи была не для красоты: земля чуть неровная, стойки для оружия со сколами, на брусе следы старых ударов.

Тирс уже разминался, вертя деревянный клинок так, будто ему скучно жить без движения.

Увидев Элярию, Харон не улыбнулся — только поднял бровь.

— Пять минут, — сказал он сразу. Не приветствие — правило.

— Я успела, — тихо ответила Элария.

— Ты пришла, — поправил Харон. — Это уже риск.

Элария кивнула и взяла деревянный клинок. Запястье под ремешком ощущалось собраннее — рука становилась увереннее, будто кто-то сказал ей: ты имеешь право держать это.

— Стойка, — сказал Харон. — Шире. Колени мягко. Не

держись за землю так, будто она тебя спасёт.

Элария поправила ноги.

— Дыхание, — напомнил Харон.

Она выдохнула.

Тирс лениво взглянул на неё:

— Сегодня без улыбок?

— Сегодня я серьёзная, — сказала Элария.

— Тогда это точно конец света, — пробормотал Тирс.

Харон не дал разговору разрастись:

— Шаг.

Элария шагнула вперёд. Клинок двинулся вместе с ней.

— Ещё.

Шаг.

— Разворот.

Разворот.

— Не думай о клинке, — добавил Харон. — Думай о расстоянии. Клинок — продолжение.

Элария повторила связку. Сначала ровно. Потом лучше. Потом — почти уверенно.

И вот тут Тирс вмешался по делу:

— Ты ставишь стопу громко, — сказал он. — Слышно. Если бы ты шла ночью, тебя бы нашли.

Элария нахмурилась.

— Я не вор.

— Выживание — это всегда немного вор, — отрезал Тирс. — Воруешь секунды. Воруешь шанс.

Харон кивнул:

— Стопа мягче. Вес удержи. Не втаптывай.

Элария попробовала снова. Тише. Мягче. И вдруг почувствовала: тело начинает помнить. Не разумом — мышцами.

Это было странно приятно. Почти опасно: приятные вещи заставляют хотеть ещё.

— Хорошо, — сказал Харон коротко.

Это было больше похвалы, чем звучало.

Пять минут пролетели как одно дыхание.

Харон поднял ладонь.

— Всё.

Элария остановилась сразу. Она училась этому — не спорить с границей, пока граница её спасает.

Она вернула клинок на стойку.

— Спасибо, — сказала она.

Харон смотрел на неё пристально.

— Ты сегодня напряжённая, — сказал он.

Элария усмехнулась:

— Новость.

— Плохо, — отрезал Харон. — Напряжение делает тебя медленнее. И заметнее.

Элария хотела что-то ответить, но вдруг заметила движение на краю площадки.

У бочки стоял человек. Не стражник. Не слуга, которого она знала. Он делал вид, что поправляет крышку — слишком старательно, слишком долго. А голова у него была повернута

не к бочке, а к ним.

Элария почувствовала холод в животе.

Харон увидел это тоже.

Он не поменял лица, но голос стал другим — тихим, железным:

— В дом. Сейчас.

— Он…

— В дом, леди, — повторил Харон так, что спорить было глупо.

Элария кивнула и ушла — не бегом, чтобы не привлечь внимания, но достаточно быстро, чтобы исчезнуть.

Тирс проводил её взглядом и пробормотал почти без насмешки:

— Теперь вы заметны.

Она вернулась в дом через узкий служебный ход, обула туфли, спрятала ремешок в карман и прошла по коридору так, будто только что действительно была в музыкальной комнате и размышляла о нотах.

По расписанию у неё должна была быть музыка.

И она пришла на музыку.

Леди Эстера встретила её взглядом, в котором было столько дисциплины, что ноты на стене будто выпрямились.

— Вы опоздали на две минуты, — сказала Эстера.

Элария улыбнулась ровно:

— Простите. Я задержалась на повторении упражнений.

— Каких? — спросила Эстера.

Элария ответила спокойно:

— Дыхательных.

Эстера кивнула удовлетворённо:

— Хорошо. Дыхание важно. Оно делает голос устойчивым.

“И шаг,” — подумала Элария, но вслух ничего не сказала.

Она села за клавиши.

Ноты поплыли — ровные, правильные. Как требовала мать. Как требовал дом.

Но под правильностью в пальцах уже жила другая память — память рукояти, шагов, линий.

И это делало музыку чуть менее мёртвой.

Вечером Селеста проверяла расписание, будто оно могло сбежать.

— Послезавтра визит леди Граэль, — сказала она, не поднимая головы. — Ты будешь присутствовать. Никаких острых слов. Никаких взглядов.

Элария стояла рядом. Она уже научилась стоять так, чтобы быть “правильной”: плечи ровно, подбородок чуть выше, улыбка — ровно в меру.

Селеста подняла глаза.

— Ты сегодня странно держишь руку, — сказала она.

Элария замерла.

Мать смотрела не на лицо, не на одежду — на мелочь. На жест. На привычку. На след.

— Устала от каллиграфии, — сказала Элария спокойно и

показала ладонь. — Перо неудобное.

Селеста подошла ближе и взяла её руку.

Элария почувствовала, как холодный страх прошёл по позвоночнику.

Селеста провела пальцем по коже у основания большого пальца.

Там была тонкая полоска — начало мозоли, едва заметное, но для Селесты достаточно. Селеста жила деталями.

— Перо не оставляет такое, — произнесла мать тихо.

Элария улыбнулась так же тихо:

— Мама… ты хочешь сказать, что я держала меч?

Селеста смотрела на неё долго. Долго так, что воздух в комнате стал тонким.

Потом отпустила руку.

— Я хочу сказать, — произнесла она ровно, — что любой след становится историей. А истории могут быть опасными.

Элария кивнула.

— Я запомню.

Селеста ушла, оставив Эларию в комнате с ощущением, что по краю прошли лезвием и не порезали только потому, что пока ещё рано.

Элария села на кровать, разжала пальцы.

Ладонь болела. Честно. По-настоящему.

И всё-таки она улыбнулась — очень тихо.

Потому что завтра у неё снова будут пять минут.

На следующее утро пять минут не случились.

Её поймали раньше.

Не руками. Гораздо хуже — порядком.

Элария спускалась по лестнице, когда услышала внизу голоса. В приёмной. Там, куда обычно не пускали никого из детей без приглашения.

Голос Селесты звучал ровно, как нож на бархате.

— …мне доложили, что на площадке стражи происходили занятия, не согласованные с домом.

Второй голос был мужской, приглушённый. Это был капитан охраны поместья, старый военный по имени Брайл. Человек, который не спорил с госпожой — он понимал, что спорить в чужом доме глупо.

— Леди Селеста, я проверю, — сказал он.

Элария замерла на лестнице.

Кровь ударила в виски.

Она хотела развернуться, уйти, спрятаться, притвориться, что ничего не слышит. Но ноги сами понесли её вниз.

Она вошла в приёмную и увидела: у стены стоит Харон.

Руки по швам, лицо спокойное, но челюсть напряжена.

Рядом — капитан Брайл. Селеста сидела у стола, перед ней лежал тот самый лист расписания. Как закон.

Отец стоял у окна. Он был бледнее обычного. И это было плохим знаком.

Элария сделала шаг.

— Мама…

Селеста подняла взгляд.

— Ты вовремя, — сказала она. В этом “вовремя” не было радости. Было чувство: всё происходит как должно.

Элария посмотрела на Харона.

Он не смотрел на неё. Он смотрел прямо. Как солдат, которому приказано быть стеной.

— Что это? — спросила Элария, хотя уже знала.

Селеста ответила спокойно:

— Это последствия.

Элария сделала ещё шаг.

— Это из-за меня.

Селеста не моргнула.

— Это из-за нарушенного порядка, — сказала она. — Который позволили себе люди, обязанные служить дому.

Капитан Брайл кашлянул.

— Леди Селеста, возможно, это недоразумение. Стражник мог…

— Нет, — отрезала Селеста. — В моём доме не бывает “мог”. Бывает “сделал” или “не сделал”.

Она посмотрела на Харона.

— Харон, — сказала она. — Ты обучал мою дочь?

Харон молчал секунду.

Элария видела: он выбирает. Не правду — чью-то безопасность.

— Я… — начал Харон и замолчал.

Элария не выдержала.

— Он не виноват, — сказала она резко. — Это я просила.

Это я приходила. Наказывайте меня.

Селеста повернула голову к Эларии так медленно, будто собиралась вбить её обратно в рамку взглядом.

— Я не могу наказать тебя, — сказала она. — Потому что ты — фамилия. Но я могу наказать тех, кто решил, что имеет право разрушать дисциплину в моём доме.

Элария почувствовала, как внутри что-то вскипело.

— Это не дисциплина, — сказала она. — Это клетка.

Селеста поднялась.

— Это защита, — сказала она. — И ты уже достаточно взрослая, чтобы понять: когда ты втягиваешь слуг в свои игры, расплачиваются они.

Элария резко повернулась к Харону.

— Скажи! — потребовала она. — Скажи, что я сама!

Харон наконец посмотрел на неё — впервые за всё время. В его взгляде было предупреждение: не делай хуже.

И он произнёс спокойно:

— Леди Селеста, я обучал.

Элария застыла.

Селеста кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда наказание будет соответствующим.

Отец сделал шаг вперёд.

— Селеста… — голос его дрогнул. — Он служит дому много лет. Это… слишком.

Селеста повернула голову к нему.

— Роан, — сказала она тихо, — ты не понимаешь, что сейчас происходит.

Вчера — во дворце — нашу дочь увидели. Теперь на неё будут смотреть иначе.

И если в доме начнутся “вольности”, это станет историей.

А история — это крючок.

Элария не выдержала:

— Ты говоришь о людях как о вещах!

Селеста посмотрела на неё холодно.

— Потому что мир так делает, — сказала она. — Я лишь не закрываю глаза.

Она снова повернулась к Харону.

— Ты лишаешься премии на полгода, — сказала она. — И переводишься на ночные ворота. Без права смены.

И ещё… — она сделала паузу, и от этой паузы у Элария стало холодно, — …десять ударов розгой. За нарушение прямого приказа.

В комнате стало так тихо, что слышно было, как дышит огонь в камине.

Элария почувствовала, как у неё темнеет в глазах.

— Нет, — сказала она. — Нет!

Капитан Брайл побледнел.

— Леди… — начал он.

Харон стоял неподвижно.

— Это моя вина! — Элария шагнула вперёд. — Мама, я…

Селеста подняла ладонь — жест, который обычно оста-

навливал целые беседы.

— Ты будешь молчать, — сказала она Эларии. — Сейчас.

Элария не остановилась.

— Ты не имеешь права! — голос Эларии сорвался. — Он человек! Он не игрушка для твоего порядка!

Селеста повернулась к ней резко.

— А ты не имеешь права превращать мой дом в площадку для твоих фантазий! — впервые в голосе матери прозвучала ярость. — Ты думаешь, ты "учишься мечу"?

Ты учишься втягивать других в свой бунт!

Сегодня — стражник. Завтра — горничная. Послезавтра — отец, который будет прикрывать тебя от последствий!

Отец вздрогнул, будто получил удар.

Элария сжала кулаки.

— Я не просила прикрывать! — выкрикнула она.

— Ты живёшь в доме, где каждое твоё движение — ответственность, — сказала Селеста. — И если ты не умеешь нести ответственность, то ответственность понесут другие.

Элария дрожала.

— Тогда накажи меня, — прошептала она. — Закрой меня. Забери книги. Забери… всё. Но не трогай его.

Селеста посмотрела на неё.

И на секунду, на одну короткую секунду, в её глазах мелькнуло что-то похожее на боль.

Потом это исчезло.

— Наказание будет, — сказала она. — И это — часть от-

ветственности.

Элария шагнула вперёд ещё раз — и в этот момент в комнату вошёл Аделард.

Он остановился на пороге, быстро оценил ситуацию — и лицо его стало жёстче, чем Элария когда-либо видела.

— Мама, — сказал он. Не “леди Селеста”. “Мама”.

Селеста не обернулась.

— Не вмешивайся, — сказала она.

Аделард подошёл ближе.

— Ты наказываешь человека за то, что он исполнил просьбу твоей дочери, — произнёс он. Голос был ровный, но внутри — сталь. — Это неправильно.

Селеста наконец повернулась к нему.

— Это необходимо, — сказала она.

Аделард сжал челюсть.

— Тогда накажи меня тоже, — сказал он.

Элария резко повернула голову.

— Адел, нет…

Аделард не посмотрел на неё.

— Я видел, что Элария учится. И я не остановил, — сказал он матери. — Это значит, я соучастник.

Селеста смотрела на него долго.

— Ты — наследник, — произнесла она. — Ты не “соучастник”. Ты — будущий глава дома. И ты обязан понимать, что дисциплина важнее эмоций.

— А люди важнее дисциплины, — сказал Аделард тихо.

Селеста сжала пальцы.

— Довольно, — сказала она.

Капитан Брайл осторожно вмешался:

— Леди… возможно, достаточно будет взыскания и смены службы. Без… телесного.

Селеста посмотрела на Брайла так, что он мгновенно замолчал.

— Ты забыл, кто даёт приказы? — спросила она.

Брайл побледнел:

— Нет, леди.

Элария почувствовала, что сейчас она либо сломается, либо сделает то, чего никогда раньше не делала: ударит словом туда, где больно.

Она посмотрела на мать и сказала тихо:

— Ты защищаешь дом или защищаешь свой страх?

Селеста вздрогнула.

— Ты не смеешь…

— Смею, — сказала Элария. Голос стал ровным, почти ледяным. — Потому что ты сейчас бьёшь человека не ради дома. А ради того, чтобы мир оставался таким, как ты его придумала: где всё можно контролировать.

Селеста сделала шаг к ней.

— Я контролирую, потому что иначе нас разорвут, — прошипела она. — Ты не знаешь, что такое мир, Элария. Ты видела один бал и решила, что всё понимаешь?

Элария выдержала взгляд.

— Я видела, что можно быть сильной и не ломать людей, — сказала она. — И если ты этого не умеешь — это не моя вина.

Отец тихо произнёс:

— Элария…

Но было поздно.

Селеста смотрела на неё так, будто впервые видела не “проблему”, а угрозу её системе.

— Увести, — сказала Селеста капитану. — Выполнить наказание.

Элария резко рванулась вперёд, но Аделард схватил её за плечо.

— Не сейчас, — прошептал он. — Ты только сделаешь хуже.

— Он… — Элария задохнулась. — Он из-за меня…

Аделард сжал плечо крепче.

— Он выбрал, — прошептал Аделард. — И сейчас твой выбор — не дать ей уничтожить тебя рядом с ним.

Харон, проходя мимо Эларии, остановился на мгновение.

Он посмотрел на неё прямо и сказал очень тихо — так, чтобы слышала только она:

— Живите, леди.

И ушёл вместе с капитаном.

Элария стояла, как после удара.

Селеста выдохнула и снова стала ровной — как будто эмоции были всего лишь вспышкой, недостойной её.

— А теперь, — сказала она, глядя на Элирию, — ты окончательно поймёшь, что значит “след”.

Элирия не помнила, как вышла из приёмной.

В коридоре её догнал отец.

— Эли… — тихо сказал он.

Элирия повернулась.

— Ты позволил ей, — сказала она. Голос был сорванным. — Ты стоял и позволил.

Отец побледнел.

— Я пытался остановить, — прошептал он. — Я…

— Ты всегда “пытаешься”, — сказала Элирия. — А она всегда делает.

Слова были жестокими. И Элирия сразу же пожалела, но не смогла вернуть их обратно.

Отец опустил глаза.

— Я не хочу, чтобы вы ненавидели друг друга, — сказал он.

Элирия рассмеялась — без радости.

— Я не ненавижу её, папа. Я… — она задохнулась, — … я боюсь стать такой.

Отец шагнул ближе, но Элирия отступила.

— Дай мне время, — сказала она. — Просто дай мне время.

Отец кивнул.

— Конечно, — прошептал он.

К вечеру Элирия узнала: Харона не выгнали.

Его действительно поставили на ночные ворота. Лишили премии. И… остальное.

Про “остальное” в доме не говорили. Вежливость была плотнее правды.

Но Элария увидела сама.

Она стояла у окна на втором этаже, когда во дворе мелькнула фигура Харона — он шёл медленно, чуть тяжеловато, как человек, которому больно, но который не имеет права показывать боль.

Его плащ был накинут ровно. Но шаг выдавал.

Элария сжала ремешок в ладони так сильно, что ногти впились в кожу.

Она хотела выбежать. Хотела сказать: “прости”. Хотела сделать хоть что-то.

Но понимала: если она выйдет сейчас, Селеста выиграет дважды — и накажет ещё сильнее. Её. Его. Всех.

Элария опустилась на пол у окна, прижала колени к груди и впервые за долгое время позволила себе одну простую, взрослую мысль:

сила — это не то, что ты берёшь.

сила — это то, за что ты платишь.

И сегодня заплатил не она.

Поздно ночью, когда дом уснул и даже печать во дворе перестала звенеть, Элария встала.

Она босиком подошла к двери, убедилась, что в коридоре тихо, и вернулась в комнату.

Достала деревянный клинок, который однажды спрятала за шкафом — не настоящий меч, не оружие, а попытка.

И начала делать шаги.

Медленно.

Тихо.

Шаг — остановка — разворот — шаг.

Линии.

Она не улыбалась.

Она училась.

Потому что теперь понимала: если она хочет идти этим путём, она должна перестать втягивать в него людей, которые за неё платят.

Элария остановилась, когда дыхание стало ровным.

Села на край кровати и посмотрела на свои ладони.

— Я не остановлюсь, — прошептала она в темноту. — Но я стану умнее.

За дверью был дом. Порядок. Мать.

А внутри — её выбор.

И он больше не был детской фантазией.

Он стал ответственностью.

И, возможно, самым первым настоящим шагом к тому миру, о котором они с Мариэль читали в книге.

Только теперь Элария знала: мир будет прекрасным не потому, что он красивый.

А потому, что она научится в нём выживать, не превращаясь в свою клетку.

Глава 10: Трещины

После наказания Харона дом стал тише.

Не спокойнее — тише.

В Вейнорах умели делать так: если произошло что-то некрасивое, его не обсуждают. Его запирают в молчании, как запирают в кладовой сломанный сервиз. Трещины не лечат — их прячут, чтобы гости не увидели.

Элария чувствовала это молчание физически.

Оно прилипало к коридорам. К дверным ручкам. К взглядам слуг, которые теперь смотрели чуть ниже, будто боялись случайно встретиться с её глазами и тем самым признать: да, мы знаем, что это из-за тебя.

На завтраке Селеста была идеальна.

Идеальнее, чем обычно.

Она говорила мягко, улыбалась ровно, задавала Мариэль вопросы о занятиях, похвалила Аделарда за выдержку на плетении и даже спросила у отца, как его здоровье — так спокойно, что это выглядело почти заботой.

Это было страшнее крика.

Элария сидела и держала ложку так, чтобы рука не дрожала.

Она не смотрела на мать. Потому что если посмотреть — можно сорваться.

А сорваться — значит снова кто-то заплатит.

— Элария, — сказала Селеста в какой-то момент, не повышая голоса. — Сегодня ты поедешь со мной.

Элария подняла глаза.

— Куда?

— В город, — сказала Селеста. — В дом леди Граэль. Визит вежливости. Ты будешь рядом. Ты будешь улыбаться. Ты будешь молчать, если тебя не спрашивают.

Элария почувствовала, как внутри поднимается усталость — не та, что от тренировок, а та, что от вечного “будь”.

— Хорошо, — сказала она.

Селеста кивнула, будто отметила успех.

Отец бросил на Эларию взгляд — осторожный, извиняющийся. Аделард смотрел в тарелку и молчал. Мариэль пыталась улыбнуться, но её улыбка была слишком натянутой для ребёнка.

Элария вдруг поняла: наказание Харона ударило не только по ней. Оно ударило по всем. Просто каждый прятал это по-своему.

Перед выездом Селеста проверила Эларию так, как проверяют оружие.

Платье — правильное.

Волосы — гладко.

Украшение — минимально.

И, конечно, ладони.

Селеста взяла руку Элария на секунду — не грубо, но с той точностью, которая не оставляет надежды.

Элария не отдёрнула.

— Каллиграфия, — ровно сказала она, увидев вопрос в глазах матери раньше, чем тот стал словами.

Селеста отпустила руку.

— Будь аккуратнее, — сказала она тихо. — Следы — это история.

Элария кивнула.

— Я помню.

Селеста на секунду задержала взгляд на её лице — будто искала слабость, чтобы закрепить контроль.

Не нашла.

И это ей не понравилось.

Карета качалась на мостовой мягко, но Эларии казалось, что она едет по камням внутри себя.

Селеста сидела напротив, прямая, спокойная. За окном проплывал город: лавки, фонари, люди. Настоящие люди — не те, кто меряет друг друга гербами, а те, кто носит корзины, спорит на рынке, смеётся громко, потому что может.

Элария поймала себя на том, что смотрит на них с тоской.

Селеста заметила взгляд.

— Не смотри так, — сказала она.

— Как? — спросила Элария.

— Как будто они свободнее, — сказала Селеста.

Элария не удержалась.

— А разве нет?

Селеста чуть сжала пальцы.

— Свобода — это иллюзия, — сказала она. — У каждого своя клетка. Их клетка — голод и холод. Твоя — правила. Правила хотя бы дают безопасность.

Элария посмотрела на мать долго.

— Безопасность, которую покупают чужой болью? — спросила она тихо.

Селеста не ответила сразу.

— Ты всё ещё думаешь о стражнике, — сказала она наконец.

Элария сжала губы.

— Я думаю о человеке, — сказала она.

Селеста отвернулась к окну.

— Я тоже думала о людях, — сказала она тихо. — Когда была моложе. А потом поняла: если хочешь удержать дом, нужно держать в руках не чувства, а порядок.

Элария смотрела на профиль матери и вдруг впервые ясно увидела: Селеста не стала жесткой внезапно. Она стала такой, потому что когда-то иначе не выжила.

Но понимание не отменяло выбора.

И Элария уже чувствовала: её выбор будет другим.

Дом леди Граэль был красивым.

Слишком красивым.

У входа — белые колонны, полированные так, что в них отражались лица. Внутри — запах дорогих масел и свежих цветов, как будто дом боялся пахнуть жизнью.

Леди Граэль встретила их на пороге с улыбкой, в которой

было больше лезвия, чем тепла.

— Селеста! — она взяла Селесту за обе руки так, будто они подруги. — Как я рада. Как вы… держитесь после дворца?

Слово “держитесь” прозвучало как “мы видели вашу трещину”.

Селеста улыбнулась идеально.

— Прекрасно, — сказала она. — Мы всегда прекрасно.

Леди Граэль перевела взгляд на Эларию и улыбнулась чуть иначе — чуть жалостливее, чуть более снисходительно.

— А это… Элария, верно? — сказала она. — Я слышала, ты… очень понравилась принцу.

Элария улыбнулась ровно.

— Принц любит конфеты, — сказала она. — Я просто помогла ему найти самые большие.

Леди Граэль рассмеялась слишком громко.

— Ах, какая… милая простота.

“Простота” в её устах звучала как “низость”.

Элария не ответила. Потому что Селеста рядом напряглась — едва заметно, но Элария чувствовала мать как давление воздуха.

И всё же Элария заметила другое: вокруг леди Граэль стояли девушки её возраста. Те самые, что на балу избегали. Сейчас они улыбались, но не ей — Селесте и Аделарду, которых здесь тоже ждали.

Элария вдруг поняла: это визит не про “вежливость”. Это

рынок. Смотрины. Клетки другого типа.

Леди Граэль провела их в гостиную, где уже стоял чай.

— Мы обсудим… кое-какие союзы, — сказала она с улыбкой. — Мир становится… сложнее. Хорошо иметь рядом правильных людей.

Элария сидела рядом с матерью и молчала.

Но внутри — трещина росла.

Разговоры о союзах всегда начинались как разговоры о погоде.

— В этом году зима будет мягкой, — говорила леди Граэль. — Если не вмешаются северные течения.

— Да, — отвечала Селеста. — Север всегда непредсказуем.

И только спустя десять минут вдруг становилось ясно: они говорят не о зиме. Они говорят о людях.

— Дом Марвен… — сказала леди Граэль, бросая взгляд на Аделарда. — У них замечательная дочь. Очень… выдержанная.

Аделард не моргнул.

— Выдержка — полезна, — сказал он ровно.

Элария услышала в его голосе усталость.

Леди Граэль улыбнулась.

— Именно. А у вас, Селеста, прекрасная младшая. Мариэль, кажется?

— Да, — ответила Селеста. — Она перспективна.

Слово “перспективна” про ребёнка звучало мерзко.

Элария сжала пальцы под столом.

— А Элария… — леди Граэль задержала взгляд на ней чуть дольше. — Она у вас такая… особенная.

Селеста улыбнулась.

— Она воспитана, — сказала она.

— Да, да, — леди Граэль кивнула и добавила с сладкой жалостью: — Просто… жизнь к ней будет строже. Знаете. Мир любит… ярких.

Элария почувствовала, как горячая злость поднимается вверх, но удержала её. Вспомнила Харона: “Живите, леди.”

Она улыбнулась.

— Мир любит не ярких, — сказала Элария спокойно. — Мир любит тех, кто не ломается. Яркость — это просто способ быть заметным.

Наступила тишина.

Селеста резко повернула голову к Эларии. Глаза матери говорили: не надо.

Леди Граэль моргнула, потом улыбнулась ещё шире.

— О, как мудро. Видимо, дворец действительно вдохновляет.

Элария молчала. Она уже сказала достаточно.

Селеста взяла чашку и сделала глоток так аккуратно, будто этим глотком закрывала трещину.

Когда визит закончился, и они вернулись в карету, Селеста молчала всю дорогу.

Это молчание было тяжелее наказаний. В нём было обе-

щание: “дома мы поговорим”.

Элария смотрела в окно на город и думала: люди там идут куда хотят. Они устают, голодают, смеются. Но их шаги — их.

Селеста вдруг сказала, не глядя:

— Ты сегодня почти сорвала разговор.

Элария повернулась.

— Я сказала правду, — ответила она.

— Правда — не инструмент на приёмах, — сказала Селеста. — Правда — это оружие. И ты не умеешь им пользоваться.

Элария усмехнулась.

— Я учусь.

Селеста посмотрела на неё холодно.

— Ты учишься слишком многому одновременно, — сказала она.

Элария не отвела взгляда.

— А ты учишься не чувствовать, — сказала она тихо. — И называешь это силой.

Селеста вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

— Дома, — сказала она. — Ты будешь молчать. И ты будешь следовать расписанию. И ты забудешь про мечи.

Элария сжала кулаки.

— Я не забуду, — сказала она.

Селеста смотрела на неё долго.

— Тогда ты заставишь меня быть жёстче, — сказала она.

Элария впервые не испугалась.

— Тогда ты окончательно потеряешь меня, — сказала она тихо.

Селеста отвернулась к окну.

И карета ехала дальше, в дом, где трещины прячут под ковры.

Но трещины уже не собирались исчезать.

Глава 11: Ночные ворота

Ночью поместье Вейноров звучало иначе.

Днём оно было машиной: ковры расправлены, свечи горят ровно, голоса — вежливо приглушены, шаги — выверены. Ночью машина становилась организмом: дом стонал древесиной, шептал ветром в ставнях, дышал теплом каминов и холодом коридоров.

Элария лежала в постели и слушала, как тишина движется по дому.

Она не спала уже второй час.

Не потому что боялась.

Потому что в ней сидела мысль, которую нельзя было проговорить вслух при свете: Харон платит за мой выбор.

И ещё одна — новая, неприятная: мать не остановится.

После визита к Граэлям Селеста стала ещё спокойнее. А спокойствие Селесты всегда означало: решение принято.

Элария слышала, как это решение ходит по дому — не шагами, а распоряжениями. Сегодня в коридоре она встретила Рину, и та шепнула почти неслышно:

— Леди… леди Селеста приказала… подготовить малую гостиную на завтра. Для… "важного разговора". И письма… письма уехали.

— Письма? — спросила Элария, но Рина уже испуганно отвела взгляд.

Письма уехали — значит, что-то начинается.

В поместье письма редко писали “просто так”. Письма у Вейноров были как ходы на доске. Их делали заранее.

Элария попыталась убедить себя, что это касается дел дома. Союзов. Долгов. Поставок. Плетений.

Но где-то в глубине, там, где раньше жила детская наивность, теперь жила взрослая догадка.

Селеста будет решать мою жизнь так же, как решает расписание.

Элария повернулась на бок и посмотрела на тёмный прямоугольник окна.

Снаружи — ночь. Свобода, которой она пока не имела.

Внутри — дом. Порядок, который не отпускал.

И всё-таки… где-то там, на границе поместья, стоял Харон.

На ночных воротах.

Без смены.

С болью, которую нельзя показывать.

Элария встала.

Не резко. Не как в побеге. Просто как человек, который принимает решение и отвечает за него.

Она накинула тёмную накидку поверх ночной рубашки, натянула мягкие чулки и взяла обувь в руки — туфли были слишком громкими. Она пошла босиком, по коврам, там, где дом был мягче, а затем свернула в служебный коридор, где не было портретов.

Лестница вниз. Поворот. Ещё один.

Элария знала дом лучше, чем мать думала.

Потому что те, кого пытаются спрятать, учатся находить дороги.

Ночные ворота были не парадными.

Это была старшая каменная арка в дальнем ограждении, где дорога уходила к тракту и растворялась в темноте. Здесь не горели яркие фонари. Только две лампы по бокам, притушенные, чтобы не слепить караульных.

Ветер шевелил кусты у стены. Где-то далеко кричала ночная птица.

Элария остановилась в тени, прежде чем выйти на свет. Сердце билось быстро — но не от страха быть пойманной. От того, что она не знала, примет ли Харон её слова.

Харон стоял у ворот, опираясь на копьё. Плащ на нём был застёгнут ровно, как обычно. Форма — идеальная. Но в этом идеале было что-то натянутое: слишком аккуратное, слишком тщательно собранное, будто он держал себя на дисциплине, чтобы не распасться.

Рядом стоял второй стражник — молодой, молчаливый, которого Элария почти не знала. Он заметил её первым и сразу напрягся.

— Кто там? — спросил он.

Элария вышла на свет.

— Это я, — сказала она тихо. — Леди Элария.

Молодой стражник побледнел.

— Леди… вам нельзя…

Харон повернул голову.

Увидел её — и не изменился в лице. Только взгляд стал тяжелее.

— Леди, — сказал он ровно. — Вернитесь в дом.

Элария почувствовала, как слова застревают в горле.

— Мне нужно… — начала она.

— Нельзя, — отрезал Харон. — Вы уже достаточно сделали.

Элария сжала пальцы. Ей захотелось оправдаться, сказать “я не хотела”, “я не знала”.

Но она заставила себя сделать другое.

— Я пришла не оправдываться, — сказала она. — Я пришла сказать: прости.

Молодой стражник рядом сделал вид, что смотрит в темноту, хотя очевидно слушал каждое слово.

Харон молчал.

Элария шагнула ближе на полшага — не нарушая дистанцию, но делая себя видимой.

— Я не думала, что она… — Элария сглотнула. — Я знала, что мама жесткая. Но я не думала, что она ударит.

Харон посмотрел на неё прямо.

— Она ударила не вас, — сказал он спокойно. — Это её язык. Она говорит им со всеми, кто ниже.

Элария почувствовала, как у неё темнеет в глазах от злости.

— Это неправильно.

— Мир редко правильный, — сказал Харон. — Ваша мать не изобрела жестокость. Она просто умеет ей пользоваться.

Элария сделала вдох.

— Но ты… — она осеклась, — …ты не обязан был брать вину на себя.

Харон слегка прищурился.

— Обязан, — сказал он. — Потому что если бы я сказал правду, она бы наказала вас. А это было бы хуже.

Элария замерла.

— Хуже, чем…

Харон не договорил.

Он лишь посмотрел на молодого стражника рядом — тот напряжённо отвёл взгляд.

Элария поняла: в этом доме есть наказания, которые "не для фамилии". Но это не значит, что их нельзя устроить. Можно — иначе. Тоньше. Через репутацию, через изоляцию, через "случайный" брак.

И мысль о браке вдруг вспыхнула в её голове слишком ярко, чтобы быть случайной.

— Харон… — тихо сказала Элария. — Ты слышал что-нибудь? В доме… что мама планирует?

Харон молчал секунду.

Потом сказал тихо, будто каждое слово могло стать ножом:

— Я слышал, что леди Селеста отправила письма.

Элария почувствовала холод.

— Кому?

Харон чуть сжал пальцы на копье.

— В дом Марвен, — сказал он. — И к Граэлям. И ещё… — он замялся, — …к дому Ланскер.

Имя Ланскер Элария знала. Тихий, богатый дом, который любил браки как сделки. У них были связи в Академии и деньги на то, чтобы “исправлять” неудобных родственников через выгодные союзы.

Элария медленно выдохнула.

— Она хочет выдать меня замуж, — произнесла она почти беззвучно.

Харон не подтвердил. Но и не опроверг.

— Леди, — сказал он, и впервые в его голосе прозвучало что-то похожее на сочувствие, — для таких, как вы… брак — самый удобный способ сделать человека тише.

Элария сжала кулаки.

— Я не вещь.

Харон посмотрел на неё тяжело.

— Тогда не ведите себя как вещь, — сказал он. — Не ходите сюда. Не давайте ей повод.

Элария горько усмехнулась.

— Повод? Я существую. Это уже повод.

Харон молчал.

Элария сделала шаг назад.

— Я не знаю, как это исправить, — сказала она. — Но я

не забуду.

Харон посмотрел на неё, и в его взгляде было то же, что в день наказания: живите.

— Забудьте, — сказал он неожиданно.

Элария моргнула.

— Что?

— Забудьте про “исправить”, — сказал Харон. — Вы не исправите вашу мать. И вы не исправите дом. Вы можете только выбрать себя. Но выбирайте умно.

Элария стояла и чувствовала, как слова ударяют глубже, чем розга.

— Если она правда… — начала Элария и замолчала, не договорив “выдаст меня”.

Харон ответил просто:

— Тогда вам придётся стать сильной. Не магией. Решением.

Молодой стражник рядом не выдержал и тихо спросил:

— Леди… вам нужно… чтобы я позвал милорда Роана?

Элария посмотрела на него.

Позвать отца — значит втянуть отца. Значит снова кто-то будет платить за её выбор.

— Нет, — сказала она мягко. — Спасибо.

Она повернулась к Харону.

— Я не хотела, чтобы ты пострадал, — сказала она ещё раз.

Харон смотрел на неё долго, потом сказал тихо:

— Тогда живите так, чтобы мой удар был не зря.

Элария кивнула.

И ушла.

Не бегом. Не в слезах. Просто шагом человека, который понял: разговоры о “мире” и “силе” заканчиваются там, где начинается цена.

И цена теперь была не только её ладонь.

Цена была будущим, которое уже пытались написать за неё.

Когда Элария вернулась в свою комнату, в темноте на столе лежал лист бумаги.

Она точно знала: вечером там его не было.

Лист был сложен пополам. Без печати. Без герба.

Элария развернула осторожно.

Почерк был матери. Слишком ровный, чтобы быть случайным.

“Завтра после обеда — приём. Будь готова. Не позорь дом.”

И ниже, как будто между делом:

“Надень голубое. Оно тебе идёт.”

Голубое.

Цвет “невинности”. Цвет “правильной невесты”. Цвет, который выбирают не для себя — для того, чтобы понравиться тому, кто будет смотреть и оценивать.

Элария опустилась на край кровати.

Мир вокруг был тихим. Дом дышал. Где-то далеко, на воротах, стоял Харон.

А в её голове звучало: “письма”.

Селеста не говорила ей “ты выйдешь замуж”. Селеста никогда не говорила прямо. Она строила коридоры, по которым люди сами приходили туда, куда она хотела.

Элария сжала лист до белых пальцев.

— Нет, — прошептала она в темноту. — Не так.

Не сейчас.

Не по твоему расписанию.

Она разжала пальцы и аккуратно положила лист обратно.

Не порвала.

Потому что порвать — значит объявить войну.

А войну она пока не могла себе позволить.

Но внутри неё уже рождалось решение.

Тихое.

Собранное.

Невидимое.

И гораздо опаснее любой вспышки.

Глава 12: Голубое

Голубое платье лежало на кровати так, словно кто-то положил на неё не ткань, а решение.

Не её решение.

Голубое было идеальным: мягкая, дорогая ткань, лёгкий блеск на сгибах, тонкая вышивка по краю рукавов — ровно столько, чтобы выглядеть “достойно”, но не выделяться. Цвет не кричал и не спорил. Цвет говорил: я согласна.

Элария стояла над платьем и чувствовала, как внутри поднимается знакомое — не страх, не злость даже, а сопротивление. Тихое. Упрямое. Как камень в ботинке: вроде мелочь, а идти по чужой дороге уже неудобно.

На столе лежал сложенный лист — тот самый, материнский. Элария не выбросила его, не порвала и не спрятала глубоко. Она оставила его на виду, как оставляют предупреждение себе самой.

“Будь готова. Не позорь дом.”

“Надень голубое.”

Элария взяла платье двумя пальцами и подняла. Ткань текла, как вода.

— Прекрасно, — шепнула она. — Меня решили превратить в ручей. Только куда-то заранее проложили русло.

В дверь постучали.

— Леди Элария, — голос Рины. — Леди Селеста ждёт вас

в гостиной через час. Портниха… проверит, всё ли сидит.

Элария на секунду закрыла глаза.

— Спасибо, Рина.

— И… — Рина замялась. — Милорд Аделард спрашивал, вы уже встали?

Элария резко открыла глаза.

— Он где?

— В библиотеке, леди.

— Скажи ему… — Элария остановилась, подбирая слова, — …что я приду. Сейчас.

Рина облегчённо выдохнула, будто услышала “сейчас” не от Селесты.

— Да, леди.

Элария быстро накинула домашний плащ поверх ночной одежды, не надевая голубое, и вышла.

Ей нужна была не ткань.

Ей нужна была опора.

Библиотека встречала запахом бумаги и тихой правдой: здесь вещи были старыми и потому честными. Книги не притворялись идеальными, у них были потёртые углы и живые страницы.

Аделард сидел у окна, как сидят люди, которые выглядят спокойными только потому, что никто не видит их спины.

Он поднял голову, когда Элария вошла, и сразу понял по её лицу: случилось что-то, что она не может “просто пережить”.

— Голубое? — спросил он вместо приветствия.

Элария остановилась.

— Ты знаешь.

— Я умею читать дом, — сухо сказал Аделард. — И маму.

Элария подошла ближе и положила на стол лист с её запиской. Не потому что хотела показать — потому что хотела, чтобы кто-то ещё увидел, насколько ровно мать умеет резать судьбы.

Аделард пробежал глазами.

— "Приём", — сказал он. — Вот оно.

Элария молчала.

Аделард выдохнул и потёр переносицу.

— Кого? — спросила Элария наконец. — Кого она приглашает?

Аделард посмотрел на неё долго. Потом, очень тихо, будто слова могли стать оружием, сказал:

— Дом Марвен. И… Ланскер.

Элария почувствовала, как в животе становится холодно.

— Два? — выдохнула она.

— Два варианта, — кивнул Аделард. — Мама всегда любит иметь запасной ход. Ты же знаешь.

Элария сжала пальцы.

— Это так… удобно.

Аделард посмотрел в окно.

— Это так… страшно, — сказал он тихо. — Даже для меня.

Элария моргнула.

— Для тебя?

Аделард кивнул, не глядя на неё.

— Когда мама выбирает, она выбирает не только тебя, — сказал он. — Она выбирает направление всего дома. Она выбирает, кому мы будем должны улыбаться, кому будем обязаны, кого будем терпеть.

Элария села напротив.

— Ты можешь это остановить?

Аделард усмехнулся без радости.

— Остановить? Я? — он покачал головой. — Я наследник, Эли. Меня воспитывают так, чтобы я когда-нибудь делал то же самое. Только красивее.

Элария почувствовала, как поднимается злость, но не на Аделарда.

На систему.

— Ты говорил, что не можешь воевать с ней открыто, — напомнила Элария. — Но ты можешь… помочь мне остаться собой.

Аделард посмотрел на неё.

— Ты хочешь сорвать приём?

Элария выдохнула.

— Нет, — сказала она честно. — Если я сорву, она сделает хуже. И кто-нибудь снова заплатит. Я… — она сжала кулак, — …я хочу пройти это так, чтобы она не получила меня.

Аделард медленно кивнул.

— Значит, ты хочешь быть умнее, — сказал он.

— Я учусь, — сказала Элария.

Аделард чуть улыбнулся — на секунду, как вспышка человеческого под идеалом.

— Тогда слушай, — сказал он. — На таких приёмах важно не что ты говоришь. Важно… что ты не обещаешь.

Элария приподняла бровь.

— Я умею не обещать.

— Не уверенно, — сказал Аделард. — Ты слишком живая. Живые дают реакции. Реакции читаются.

Элария фыркнула.

— Спасибо за комплимент.

— Это не комплимент, — сказал Аделард мягко. — Это предупреждение.

Если Ланскеры начнут “намекать” — ты улыбаешься и переводишь разговор на королеву, на погоду, на музыку, на что угодно.

Если Марвены начнут говорить о дисциплине и “порядке рода” — ты спрашиваешь про их людей, про их провинции, про то, как они заботятся о тех, кто ниже. Это выбивает их из привычной игры.

И самое главное… — Аделард наклонился чуть ближе, — ты ни разу не говоришь “да”. Ни в какой форме.

Элария кивнула.

— Поняла.

Аделард замолчал. Потом спросил тише:

— Ты боишься?

Элария честно подумала секунду.

— Я… злюсь, — сказала она. — И это страшнее. Потому что злость толкает на глупости.

Аделард кивнул.

— Тогда не оставайся одна сегодня, — сказал он. — Держись рядом со мной или с папой. Мама сильна, когда ты одна. Когда ты в углу. Когда ты “удобная”.

Элария усмехнулась.

— А если я буду неудобной?

— Тогда мама станет жестче, — ответил Аделард. — И это снова будет не только про тебя.

Элария опустила взгляд.

Перед глазами всплыл Харон. Его шаг. Его плащ. Его “живите”.

Элария подняла глаза.

— Я не буду ломать людей, — сказала она тихо. — Ради своего бунта.

Аделард выдохнул, будто только этого и ждал.

— Вот, — сказал он. — Это взросло.

Элария встала.

— Спасибо, — сказала она.

Аделард вдруг добавил:

— Эли… если кто-то из них окажется… нормальным — не обманывайся.

Элария остановилась у двери.

— В смысле?

Аделард чуть сжал челюсть.

— В смысле, клетка иногда бывает с мягкими стенами, — сказал он. — Это не делает её свободой.

Элария кивнула.

— Я запомню.

Портниха действительно пришла “проверить”.

Это было унизительное и смешное одновременно: взрослая девушка, дворянка, а с ней обращаются как с куклой, которую надо правильно одеть, чтобы она понравилась чужим глазам.

Портниха поправляла швы и шептала:

— Подбородок чуть выше, леди. Плечи мягче. Да, вот так. Голубое вам очень идёт.

Элария не спорила. Не потому что соглашалась. Потому что спорить с портнихой — всё равно что бить стену. Стена не виновата, что её построили.

Селеста вошла в комнату, когда всё было почти готово.

Мать остановилась на пороге и окинула Эларию взглядом — тем самым, который всегда был как измерительная лента.

— Хорошо, — сказала Селеста.

Одно слово. Как печать.

Элария улыбнулась.

— Спасибо, мама.

Селеста подошла ближе.

— Ты помнишь, что я сказала? — спросила она тихо.

— Улыбаться, — ответила Элария. — Молчать, если не спрашивают. Не давать повода.

Селеста кивнула.

— И ещё, — добавила она. — Ты не будешь говорить о… стражниках. О мечах. О глупостях.

Элария выдержала взгляд.

— Я поняла, — сказала она.

Селеста будто искала трещину в её лице. Не нашла.

И это снова было опасно.

— Иди, — сказала Селеста. — Гости скоро.

Приём начинался так, как начинались все приёмы в домах, где любят порядок: сначала пахло чаем и свежей выпечкой, потом — духами гостей, а потом — словами, которые звучат как комплименты, но на деле являются щупальцами.

Первыми приехали Граэли — потому что леди Граэль всегда приходила первой, чтобы занять центр комнаты.

Потом — дом Марвен.

Их карета была строгой, без лишних украшений. Люди Марвенов вошли без лишнего шума, как входят те, кто привык, что их уважают не за блеск, а за дисциплину.

Лорд Марвен был сухой, седой, с взглядом человека, который привык командовать гарнизоном. Рядом — его жена, леди Марвен, красивая в холодном смысле: идеальная осанка, идеальные манеры.

А между ними — их сын.

Ему было около двадцати. Чуть старше Эларии. Он был

одет аккуратно, но без вычурности. На его пальцах едва заметно мерцала слабая световая нить — не демонстрация, а привычка дара, который живёт в теле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.